Проф. С. В. Бахрушин.

9(С18)
Б30
895 сб

Ясак в Сибири

в XVII веке

СИБКРАЙИЗДАТ
Новосибирск
1927

Отдельный оттиск из журнала «Сибирские Огни» № 3 за 1927 год.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

25	1/XII-28.			

№ 74. ВДК Книг. центра

Б. М. А. С. С. Р.
Научная библиотека Государственного
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ
Инв. № 2095 Шифр 9(0)/
№ 35

Ясак в Сибири в XVII веке.

Проф. С. В. Бахрушин.

В настоящее время уничтожен ясак, в течение более трех столетий собиравшийся русскими завоевателями с покоренных ими сибирских туземцев.

В истории Сибири ясак сыграл большую, можно сказать, решающую роль. Это была та притягательная сила, которая побудила Московское правительство перейти за Урал и оккупировать всю территорию к востоку от него до Тихого океана. Ради сбора ясака строились в тайге укрепленные ясачные зимовья, превращавшиеся затем в остроги и в города, содержались гарнизоны, поощрялись и поддерживались безумные по смелости и жестокости военно-промышленные предприятия служилых людей и частных капиталистов. Еще раньше, прежде чем за Уралом появились правительственные агенты и войска, сюда за ясаком шли из Поморья предприимчивые зыряне и вычегжане, с верховьев Камы «наемные казаки» Строгановых.

Ясак, под каковым названием известна дань, собиравшаяся с «инородцев» Сибири,—слово тюркское.

Основное значение этого слова—ясак—есть в сущности: закон, устав, уложение; уложение Чингис-хана называлось ясак или яса Чингис-хана.

От основного значения слова «ясак»—закон, устав, уложение—мы имеем целый ряд производных значений. Ясаком называют все, что установлено, определено по закону, «уложено». Так, ясак означает—установленную законом кару; вместо «казнить», говорят «подвергать ясаку». Все, что запрещено законом, тоже—«ясак»; криком: ясак! останавливали еще недавно в Стамбуле турки христианина, входившего в мечеть; (у персов поэтому «ясак» означает «грех»[1]).

Менее тесно связано с основным значением слова употребленье выражения «ясак» в смысле установленного «уложенного» сигнала. В таком значении оно было известно кн. Курбскому и употреблялось русскими в течение XVII в. В связи с ясаком-сигналом—слово ясак употребляется не только в XVII в., но и в первые годы XVIII в. в смысле военного клича или военного пароля; свой «ясак» имели и разбойничьи станицы, хозяйничавшие на московских дорогах, и казацкие войска Степ. Разина[2]).

[1]) Шейбанидада, история монголо-тюрков на джагатайском диалекте, изд. И. Березиным, прим. 74.

[2]) Акты Моск. государства II № 691, № 911, III № 524; Рус. Ист. Библ. XXXI, 184-185; Доп. к А. Ист. III № 102; Пом. Сиб. ист. XVIII в. III № 71; Прик. дела ст. лет 1643 № 9 (в Моск. Древлехран). и др.

Мы видим, какие разветвления получает в монголо-тюркских наречиях основное значение слова: ясак. Происхождение выражения ясака в смысле «подати» вообще, в каковом оно употребляется, например, в ярлыке Саадет-гирея, поддается легко об'яснению. Ясак—это подать, установленная законом, уложенная, принудительная в отличие от добровольного приношения, «поминков». Ясак—по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю; он является поэтому признаком подданства и сопряжен с понятием чего-то позорящего. Такой характер ясака чувствовался и сознавался туземцами Сибири очень определенно. Часто, соглашаясь платить дань в виде поминков, они отказывались давать ту же дань в виде ясака. В 1645 г. прибыл в Кузнецкий острог посланник владетеля белых калмыков Бачика: «а про ясак тот Бачиков посланник... говорил, чтобы с Бачика и с улусных его людей ясаку имать не велеть; а как-де зима будет, и Бачик-де и улусные люди нам (государю) челом ударят с луку по лисице или по кунице»; эту добровольную дань «с лука по лисице или по кунице» царская грамота называет «поминками»[1]). Еще яснее противоположение ясака поминкам видно в Коде, княжестве остяцких князей Алачевых. Здесь коренное население, кодские служилые остяки, платили только поминки, ясаку же подлежали исключительно жители присоединенных к Коде по распоряжению русского правительства волостей—Емдырской, Ваховской и Вас-Пуколской, на которых кодские князья смотрели, как на покоренных. Поминки, которые платили кодские «поминочные» остяки, были точно определены, по существу мало чем отличались и по форме и по размерам от ясака, но сами остяки делали тонкое различие между обоими видами поборов, и, когда кодский князь Дмитрий пробовал по русскому образцу обложить их из определенного оклада в 3 р. с юрта, то они отказались на том основании, «что были служилые, а не ясачные» и били челом государю, чтоб он их князю Дмитрию «в ясак не велел»[2]).

Русские застали ясак первоначально в «инородческом» Поволжье, об'ясаченном татарами в XIII в. Входившие в состав казанского царства туземцы—арская, горная и луговая черемиса, башкиры и другие «черные ясачные люди» «прежним царям» «ясаки платили». Точно также и в Астрахани «черные люди» «по-старине» ясаки «прежним царям платили».

Существовал ясак и в Сибири задолго до русского завоевания. Татары, проникнув на берега Иртыша и Оби, «и дани со многих иноземных язык взяша», по словам Ремезова. В отрывке летописи, внесенном в Сибирскую историю Ремезова, есть описание сбора ясака в пользу Кучума: «весна же близу, приспе время Кучуму ясак с подданных сбирати, соболи, и лисицы и прочих зверей и рыб»[3]).

Калмыки и монголы, покорившие своей власти пограничные со степью области, сбирали с туземцев «албан» (алман), соответствующий татарскому ясаку. Весь XVII в. и в значительной мере XVIII в. занят у русских непрерывной борьбою с ними за право взимать алман или ясак «с порубежных волостей» Томского, Кузнецкого и Красноярского уездов. Кое-где одержали верх кочевники, в других местах русские; чаще устанавливался своеобразный синойкизм: монголы и русские—то делят между собою полюбовно ясачных людей, то еще чаще путем договора устанавливают очередь в добыче. Так, в 1610 г. киргизские князцы шертовали на том, чтоб у государевых ясачных людей впредь «на калмыцких тайш и на себя преже государева ясаку... алману

[1]) Акт. Ист. IV № 17.
[2]) Сиб. прик. ст. №№ 202, 376 (Дела Сиб. приказа находятся в Моск. Древлехранилище).
[3]) Сиб. лет., изд. Археогр. Ком., с[illegible]; 321.

не имать... А после государева ясаку плюхую рухлядь, которые ясачные люди в волю станут давать, и то будем имать по прежнему»[1]). Из монгольских царств, с которыми столкнулись русские при их продвижении на юг, заслуживает особенного внимания царство Золотого Царя Алтын-хана на Кемчике и на оз. Упсе, образец недолговременного, но могущественного кочевого государства, достигшего под влиянием Китая довольно высокой степени культуры. Алтын-хану в первой половине XVII в. платили ясак туземцы, жившие по р. Абакану—матские люди, джессары и тубинцы.

Под влиянием монголо-тюркских завоевателей и местные туземные племена Сибири восприняли идею ясака или алмана и распространили его на своих соседей. Буряты в первой половине XVII в. брали ясак с джессарских людей; им платят также ясак качинцы и тугурские тунгусы. Киргизские, езерские, алтырские и тубинские князцы, собирая алман на кон-тайшу на Алтын-хана, собирали дань и на себя. Еуштинский князек Тоян до 1604 г. собирал на себя ясак со своих 300 ясачных людей. В Пелымском княжестве, находившемся под сильным влиянием татар—в период его независимости тоже существовал разряд «ясачных людей»[2]).

Несколько подробнее приходится остановиться на остяцких племенных княжествах на берегах Оби и в верховьях Енисея, сохранивших свою самобытность до покорения их русскими. При всей примитивной патриархальности их строя—эти княжества уже представляли в себе зачатки государственных форм; в частности, им были известны наиболее первобытные формы обложения. Обложение носило фиктивно характер добровольного; с своих остяков остяцкие князцы, как было указано, собирали не ясак, а поминки. Эта форма обложения очень долго сохранялась в Коде, где еще в первой половине XVII в. остяки платили князю поминки «в почесть», мехами, а также продуктами—сухою рыбою, против русского конопля крапивою (из которой выделывалось полотно) и «кылыданами» (снастью для рыбной ловли). В идее это был добровольный «дар», приносимый «в почесть», но фактически поминки носили обязательный характер. Поминки существовали и в других остяцких княжествах. Княжество Бардака близ Сургута, сохранявшее в XVII в. довольно долго известную долю независимости под властью русских, в отличие от других ясачных волостей, платило в казну московского государства не ясак, а поминки, по существу мало чем отличавшиеся от ясака.

Сами остяки, под влиянием татарской и русской практики, брали с покоренных ими соседей не поминки, а ясак, служивший признаком подданства. Так, жившая вверх Путу реки самоядь, человек с 300, находилась в конце XVI в. под властью остяцкого князца Бардака, «а емлет-де с них ясак Бардак себе». Кодские князцы брали ясак с присоединенных к их княжеству Емдырской, Ваховской и Вас-Пуколской волостей[3]).

Таким образом, значительная часть туземного населения Поволжья и Прикамья, а также Западной и Юго-Западной Сибири было привычно к уплате дани в форме ли ясака, или близкого к нему алмана, или, наконец, почетных поминков. Завоевывая страны, подвластные недавно татарским и монгольским завоевателям, русские государи просто «перевели на себя

---

[1]) Сиб. прик., ст. № 623.

[2]) Рус. ист. библ. II № 56, 73, 89. Акты врем. правл. ц. Вас. Шуйского, изд. Гневушевым, №№ 57, 64; Миллер—Опис. сиб. царства, стр. 205, 206, 443; его же — Сиб. история (ежем соч. 1764, I). стр. 331. Сб. Хилкова № 99; Доп. к А. ист. XI № 53; Сиб. прик., ст № 623.

[3]) Об остяках в XVI-XVII век. автором настоящего очерка подготовляется к печати специальная работа (Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII веках, выпуск II).

ясаки», до тех пор уплачиваемые их предшественникам. В Казанском царстве они по отношению к туземцам явились естественными преемниками и наследниками казанских царей. Уже в 1513 г. были посланы по улусам «черным людем ясачным жалованные грамоты опасные», «а они-б ясаки платили, якоже прежним казанским царем»; тогда же били челом казанские черные люди, чтоб государь «велел ясаки имати, как и прежние цари имали»; в 1557 г. добила челом луговая черемиса, чтоб государь с них «ясаки велел имати, как прежние цари имали». В том же году при захвате Астрахани было уговорено «черным людям ясаки платить по старине, как прежним царям платили». Таким образом, вчерашние ясачные люди татарских царей сделались ясачными людьми московского государя. Основы ясачного сбора оставались те же. Взыскивались ясаки «прямые», «как было при Магмаделиме царю», «по-старине»[1]).

Такой же процесс мы наблюдаем и в Сибири, где в целом ряде случаев русские в сборе ясака непосредственно сменили предшествовавших монголо-тюркских завоевателей или туземных князьков.

В ноябре 1608 г. покорились матцы, до тех пор платившие дань Алтын-хану и теперь отложившиеся от него, шертовали, но ясаку дали только 60 соболей, «и ясаку-де, государь, им заплатить... сполна нечем, что их Алтын-царь воевал, а платили ясак преж сего Алтын-царю», и обещали «на осень» прийти с ясаком в Томск и впредь платить ясак сполна. В том же году подчинились маторские и тубинские люди, первые дали ясаку 35 соболей, вторые 25, «а больше-де, государь, им тово дать нечего, что до твоих государевых людей ясак с них взяли... черные колмаки, а впредь тебе они, государь, хотят ясак платить сполна, а сами-де... хотят быть летом в Томский город бити челом, чтобы ты, государь, их пожаловал, велел их оберегать от черных колмаков». Одновременно покорились джессарские люди, но тоже полного ясака не дали, потому что «твоих государевых людей приходу не чаяли к себе, а до твоих государевых людей ясак с них взяли братцкие люди»; они обещали быть с ясаком в Томский город летом»[2]).

Эта легкость перехода от одного господина к другому, без всякого усилия, без ломки установившихся привычек и отношений, переносит нас во времена князя Олега, пославшего к радимичам с вопросом: «кому дань даете?». Они же реша: «Козаром». И рече им Олег: «не дайте козаром, а мне дайте: и вдаша Олгови по шьлягу, якоже козарам даяху».

Преемственность ясака в этой части Сибири, которая еще до русских была завоевана монголо-тюрками, с одной стороны поставила русских при их появлении на берегах Оби и Иртыша в зависимость от тех навыков и приемов обложения, которые существовали здесь до них, а с другой,—облегчила им задачу сбора ясака. Здесь они нашли уже готовыми известную организацию самого сбора и выработанную веками технику обложения и воспользовались тем и другим.

Для обложения воспользовались теми административными единицами, которые существовали до завоевания. В ясачных волостях Тобольского и близ лежащих уездов легко угадать «агарянские веси», входившие в состав прежнего Кучумова царства, а ближайшими агентами при сборе ясака явились те князьки и старшины, отцы и деды которых служили Кучуму.

В бывших пределах собственно царства Кучумова в основу деления на ясачные волости легли, повидимому, те административные подразделения, которые существовали во времена независимости сибирского государства. Из отрывочных сведений летописей можно заключить, что в городках, нахо-

[1]) П. собр. лет. XIII, стр. 221, 222, 247, 282. 283.

[2]) Миллер—опис. Сиб. царства, стр. 441—443.

дившихся под властью Кучума, сидели подвластные ему мурзы и есаулы, «удельные его бояре и княжцы»[1]).

Эти уделы, в которых сидели ясачные мурзы, после завоевания русскими образовали некоторые из волостей Тобольского и соседних уездов. Владения, например, Кучумова вассала Бабасан-мурзы образовали Бабасанскую волость. Повидимому, такого же происхождения и другие волости Тобольского у., во главе которых еще в XVII в. стоят мурзы и баи; например, волость Супра, в которой упоминается в 1629 г. мурза Гултаев Табер, в Тарском у. волости Оялы, Тураш, Тереня, Кирпицкая, Барабинская—все это бывшие составные части Кучумова царства. В Тарский же уезд вошло крохотное царство царя Саргачика ишимского, на месте которого явилась волость Саргацкая или Соргачь.

Из этих примеров видно, что мелкие татарские волости бывшего Сибирского царства и полунезависимые татарские княжества совершенно естественно вошли в состав новых уездов в качестве ясачных волостей.

Верхотурский уезд дает другой образец того, как русская администрация использовала существовавшие до нее административные деления. Здесь в основе деления на волости легли туземные сотни и десятки. В ясачной книге 1625-6 г. это деление на сотни сохранилось еще без всякого изменения. Лялинские вагуличи, например, делятся на две сотни, названные по имени стоящих во главе их сотников: Пангибалова сотня Шувалова и Меркушина сотня Кушкина; Сосвинские выгуличи образуют Гришину сотню Кумычева; во главе косвинских вагуличей стоит десятник Петрушка Туртаев и т. д. В ясачной книге 1628-9 г. каждой из прежних сотен соответствует уже волость, определяющаяся географически, при чем во главе каждой волости стоит по-старому «лучший человек»—сотник или десятник, по большей части тот же, который назван в предыдущей книге. В ясачной книге 1642-3 г. мы встречаем упоминание о сотниках лишь в пяти из одиннадцати волостей. Таким образом, можно проследить, как старинные туземные сотни, на которые делилось покоренное татарами население бассейна Туры и Чусовой, превратилось в руках русских администраторов в ясачные волости[2]).

Аналогичное деление мы находим в Кунгурском у., который был разделен на четыре четверти с сотниками во главе, у вишерских вагуличей и у казанских татар и мордвы[3]).

Звание сотника было, по крайней мере первоначально, наследственным. В 1613 году упоминается вагульский сотник Кумыч Бантереков; в 1626 г. во главе сосьвинских вагуличей стоит Гришка Кумычев. Меркушу Кушкина в Подгородной волости и Белгилду Ямашева у тургенских вагуличей, упоминаемых «в 20-х годах XVII в., позднее сменили их сыновья», сотник «Меркушев и Сенгилда Белгилдин. На обязанности этих сотников лежал сбор ясака; они же выступали в качестве ходатаев перед правительством по делам подчиненных. В своих волостях они пользовались большим значением, благодаря богатству и административному положению; собирая государев ясак, они, повидимому, делали поборы и в свою пользу, «лишним ясаком корыстовались меж собою».

Происхождение сотен и десятков несомненно чрезвычайно древнее. Мы встречаем это деление в Поволжье, непосредственно подчиненном татарам, в частности у горной и луговой черемисы, платившей дань казанским царям.

---

[1]) Сиб. лет., изд. Арх. Ком., стр. 321, 325, 371.

[2]) Сиб. прик. кн. 19, л.л. 423—447; Дмитриев, Пермская стар., VII, стр. 170—175 там же, стр. 70—71.

[3]) Акты Ист. I № 122, II 76, 82, III № 1. Акты арх. эксп. II № 75. Акты писц дела II вып. I, № 101; Кунг. Акты № 73 (IV), № 25.

После того, как был основан городок на устье Свияги, «горные люди» черемиса и чуваши посылают бить челом московскому государю «сотных князей и десятных»; иначе летопись называет их «сотными казаками». Очевидно, русские искали точного перевода для татарского юз-агассы (юз—сто, ага—князь) и ун-агасы (ун—десять). Русские, завоевав Казань, не уничтожили этой организации. Когда горные люди покорились Москве, то государь жаловал их князей, мурз и сотных князей шубами «с бархаты и золото» и старался привлечь их на свою сторону. В течение всего XVII в. деление на сотни сохранялось среди туземного населения уездов, входивших первоначально в состав Казанского царства[1]).

То же самое мы наблюдаем и в Сибири. В Пелымском государстве, подвергшемся сильному татарскому влиянию, сотники упоминаются еще в XV в., и позднее под русскою властью здесь среди туземной знати мы встречаем сотников. Есть данные полагать, что деление на сотни существовало и в царстве Кучума: так Ремезовская летопись говорит про «сотника» в Колпуховской волости[2]).

Очевидно, деление на сотни в Верхотурском у. сохранилось от тех времен, когда татары и пелымские вагуличи покорили своей власти туземцев, живших по Туре и далее за Урал, по Сылве.

Целый ряд ясачных волостей образовался на месте прежних мелких племенных остяцких и вагульских княжеств, при чем внутренний строй этих княжеств сохранился и под властью русских в полной неприкосновенности, и во главе их оставались потомки прежних самостоятельных князьков, на которых теперь Московское правительство возлагало новые обязанности: они должны были «выбивать» своих подчиненных на промыслы, помогали собирать со своей волости ясак, иногда сами привозили его в воеводскую резиденцию.

В Туринском уезде, волость Япанчино, иначе Япанчинские юрты, создалась на развалинах татаро-вагульского княжества Япанчи, прославившегося своим сопротивлением шайке Ермака. В 1628-9 г. «лучшим человеком» волости был сын этого самого Япанчи—Агим Япанчин[3]).

В Пелымском уезде волость Б. Конда сохранила и под русской властью черты бывшего независимого удела Пелымского княжества. В столице Конды, городке Картауже, в XVII век. продолжают жить и, по выражению одной царской грамоты, «рядовых наших вагулич» ведают мурзы, потомки Кондинского князя Агая, «братья», находившиеся в почетном плену кондинских князей Василия и Федора. Звание мурз переходило преемственно от отца к сыну. Эти мурзы, ведавшие кондинских вагулич, и являлись посредниками между русским правительством и их подданными в деле уплаты ясака. Они сами привозили ясак в Пелым, и пелымские воеводы посылали им в Конду подарки «для ясачного сбора»[4]).

В Тобольском уезде в некоторых из северных волостей мы узнаем те остяцкие княжества, которые упоминаются при завоевании Сибири Ермаком, Назымский городок, взятый в свое время Ермаком, образовал в XVII в. волость Назым, Лабутинский городок князца Лабуты на Тавде, взятый тоже

---

[1]) Пом. собр. лет. XIII, стр. 164, 165, 247, 266, 282. Акты царств. Вас. Шуйского (изд. Гневушевым), № 28. Нижегор. платежницы (изд. Весловским), passim. «Первые месяцы царств. Мих. Федоровича» (изд. Сухотиным), № 152. Акты Мельникова, №№ 4 30, 70, 74.

[2]) Сиб. лет., стр. 335.

[3]) Риб. прик., кн. № 19.

[4]) Сведения о Кондинском княжестве должны войти в подготовляемый к печати автором настоящего очерка II выпуск «Очерков по истории колонизации Сибири в XVI и XVII в.в.».

Ермаком и поразивший казаков своим богатством, образовал волость Лабутан, княжество «Кашука князца Ворлякова», упоминаемое в том же походе Ермака—образовало отдельную волость: городок Кашуки, Демьянские городки, в частности город «велик и крепок», под стенами которого «большой сборный княжец» Демаян или Нимнюян с армией в 2000 человек татар, вагулич и остяков, пробовал оказать сопротивление казакам, образовали две «волости верх-Демьянки». Наконец, бывшее княжество демьянского князя Бояра, одним из первых подчинившегося Ермаку, в 1628-9 г. образовало «городок Демьян», и лучшим человеком здесь был сын этого Бояра — Кармымак Бояров*).

В Березовском уезде в основу деления на волости лежали исключительно небольшие племенные остяцкие княжества.

Такова Белогорская волость, бывшее княжество Самара, погибшего под стенами своего городка в борьбе с казаками Ермака; в XVII в. во главе волости продолжают стоять его сыновья, сперва Таир Самаров, позднее Байбалак Самаров. Ляпинское княжество князька Лугуя, признавшего в 1595 г. власть московского государя, после казни его сына Шатрова в 1607 г., распалось на три части, образовавшие волости Ляпинскую, Куноватскую и Подгородную; во главе каждой из этих волостей упоминаются отдельные князьки, «лучшие люди», принадлежащие к роду Лугуя. В Куновати род Лугуя просуществовал, по крайней мере, до XIX в. Казымская волость образовалась из бывшего остяцкого княжества Казыма. Обдорская волость в сущности была самостоятельным остяцким княжеством; это княжество упоминается наряду с Ляпином уже в конце XV в. Под русскою властью в течение трех столетий, начиная с конца XVI в. до XIX в., княжеское достоинство переходило от отца к сыну в одном и том же княжеском роде Василия Обдорского.

Во всех этих остяцких княжествах, превращенных в ясачные волости, русская администрация умело использовывала в своих интересах туземных князьков и пользовалась их содействием при сборе ясака. Из некоторых волостей князцы сами доставляли ясак на Березов; такое право было закреплено царскими грамотами за обдорскими князьями. На обдорских и на казымских остяков русское правительство, кроме того, возложило обязанность собирать кочевую самоядь для уплаты ясака.

Подобно Березовскому уезду, все без исключения волости Сургутского уезда образовались из бывших остяцких княжеств. Из них княжество Бардака (Бардакова волость) сравнительно долго пользовалось самостоятельностью и платило, вместо ясака, добровольные поминки. Такое же деление мы находим и в Нарымском у., в Кетском и в той же части Енисейского у., которая была заселена остяко-самоедами. В частности, в двух Нарымских волостях легко узнать Пегую Орду грозного некогда князца Вони, который долгое время в союзе с изгнанным Кучумом казался опасен для русских и своим агрессивным образом действий вызвал поход на верховья Оби и постройку Нарымского острога; в 1629 г. во главе одной из этих волостей стоит его сын Табахта Вонин, во главе другой тесть последнего Вангай Кичеев, отец которого Кичей еще в 1602 г. упоминается в качестве князца Нарымского уезда. «Лучшие люди», князья, «ясачных людей высылают на звериные промыслы и собирают с них ясак с ясачными сборщиками вместе». При князьях упоминаются ясаулы, очевидно, появившиеся под влиянием татарских образцов. Их обязанность заключалась в содействии князцам в сборе ясака «для высылки ясачных людей и для сбору государева ясака и поминков». Как чиновники, непосредственно подчиненные воеводе, они нередко имели пребывание при нем, в го-

*) Сиб. прик., кн. № 19.

роде. За услуги «лучшие люди» и ясаулы пользовались привилегией—в годы службы не платить ясака.

Судя по делу сургутского воеводы Анд. Измайлова, не только ясаулы, но даже князцы в позднейшее время назначались и смещались воеводами. Так, князья Урнук Пынжин в Лун-Пукольской волости, Сургутского уезда, сменивший своего отца князца Пынху Лайканова, сам был «лучшим человеком» только с 1639 г. по 1646 г., после чего стал платить ясак наряду с своими подданными. Андрея Измайлова обвиняли в том, что он ясаулу Чинерку велел «в Тымской волости быть в князцах, а старого князца Тырлу Марова (отец которого, Мар, был до него князцом) из князцов выкинуть»[1]).

В пограничных с Монголией уездах для волостей были использованы улусы кочевников. Такое деление на улусы, соответствующие ясачным волостям, мы находим в Кузнецком и Красноярском уездах и у братских людей Забайкальских острогов. Волости Томского уезда тоже, очевидно, произошли из улусов; так, волость Кия в ясачной книге 1628-29 г. соответствует Курчейкову улусу[2]). Каждый улус представляет из себя, повидимому, разросшуюся семью, род, во главе которого стоит родовой старшина, по имени которого первоначально и называется тот или иной улус. Эти улусные родовладыки обычно назывались князцами; в XVIII в. в Кузнецком у. они известны под именем «башлыков». У братских людей во главе улусов стоят шуленги. При князцах в Томском уезде упоминаются ясаулы. Как русские ясачные сборщики, так и алманные сборщики, приезжавшие в порубежные волости собирать алман на монгольских тайш и на кутухту, одинаково пользовались услугами этих князцов.

Мы видим, как искусно использовала русская администрация существовавшие у туземцев деления, превращая туземных князцов и сотников в подчиненных ей чиновников по сбору ясака.

Чрезвычайно облегчался сбор ясака тем, что во многих случаях на местах еще до русских существовал известный учет ясачного населения, и сибирский царь Едигер уже сообщал царю Ивану точное число своих подданных, с которых он обязался давать дань. Очевидно, из предшествующей практики монголо-тюркских государств заимствовала русская власть и технические приемы сбора ясака; в частности, несомненно, местного происхождения был обычай брать ясак «под аманаты».

В тюркских государствах ясаку подлежало не все сплошь население. От него были освобождены «тарханы», т.-е. служилая знать; «тарханство» отчасти жаловалось, отчасти переходило по наследству. У некоторых азиатских народов, например, у енисейских киргизов, от податей было освобождено поголовно все племя завоевателей, а алман платили только покоренные народы, «киштымы», т.-е. рабы. С этим пришлось считаться русскому правительству при сборе ясака. Из населения бывшего Кучумова царства пришлось выделить особый разряд мурз и других служилых татар, которые несли в Тобольском и Томском уездах государеву службу, но ясака не платили. Точно так же русское правительство обычно в первое время освобождало от ясака князцев мелких туземных княжеств и их ближайших родственников, а тех из них, которые крестились, записывало в служилые люди. Это, впрочем, было невыгодно для казны, и такие из'ятия, иногда неизбежные, в виду установившихся привычек, делались очень неохотно, и число подлежащих из'ятию систематически сокращалось.

---

[1]) Об остяках в XVII в.—в подготовляемом к печати автором II вып. Очерков истории колонизации Сибири в XVI и XVII в.в.

[2]) Сиб. прик., кн. № 19, л.л. 922 - 923.

Наконец, зависимость русских от существовавших на местах приёмов в деле обложения выразилась в самом предмете сбора.

Московские государи нуждались исключительно в мягкой рухляди и добивались упорно того, чтоб ясак платился только мехами, но это не всегда удавалось.

В Кузнецком уезде, где с незапамятных времен, как видно из китайских источников, монгольские завоеватели получали дань железом, русское правительство, при всем своем нежелании, в течение не только XVII в., но и XVIII в. должно было примириться с тем, что отдельные плательщики, вместо соболей, давали котлы и таганы железные, и тщетно требовало от воевод, «чтоб они впредь у ясачных людей в государев ясак в соболей место железом не имали»[1]).

При об'ясачении монгольских пастушеских народов и тунгусов-скотоводов пришлось считаться с их навыком платить дань рогатым скотом и лошадьми. Из Нерчинского уезда жаловались, что с намясинских тунгусов «по окладным книгам доведется имать ясак соболями», а они—«вместо соболей, дают лошаденками худыми или рогатым скотишком мелким». В 190, 191, 192 г. всего собрано было в Нерч. у. «за ясак» 113 лошадей и 57 животных рогатых[2]).

Наконец, взыскивался ясак материями, платьем и оружием, в чем тоже можно найти аналогию в практике монгольских завоевателей. С соешких, с тувинских и урянских людей, только что вышедших в 1687 г. «из мунгалов к Тункинскому острогу», и с выходцев долонгоцкого роду в первое время в числе прочего ясака брали куски «китайчишки», с выходцев якуцкого роду взяты шишак простой, сулема, наручники, два тиляжка, старые ветчаные. Эти же выходцы платили ясак также кусками серебра. Последнее, как предмет дани, вошло в употребление под влиянием китайской практики[3]).

II.

Мы видим, что русский ясак органически вырос из тех туземных ясаков и алманов, которые русские нашли на местах в Сибири, и лишь постепенно разновидности местных форм обложения подводились московским правительством под известную общую форму. Этот процесс установления единой формы ясака происходит очень медленно и, в виду разнообразия местных условий, никогда вполне не был достигнут. Ясак XVII-XVIII в. в. и по своей форме и по приемам его взыскания отнюдь не был поэтому чем-то одинаковым и однородным во всех уездах и волостях, в которых он существовал. Этим именем в сущности назывались очень разнообразные виды обложения инородцев, и ясак, который в XVII в. шел с Казанского уезда, не имел ничего общего с тем ясаком, который выманивался у дикарей, кочевавших в низовьях Оки и Енисея и по берегам Тунгусок и притоков Лены.

Московское правительство на своем официальном языке различало два вида ясака—окладной и неокладной. При окладном ясаке заранее точно был

---

[1]) О сборе монголами ясака железом с Кузнецк. уезда в XII и XVIII вв.—Сиб. прик. ст. № 43, л. 83, ст. № 623; Миллер, Ежем. соч., 1764 г., апрель, стр. 302; Фишер, Сиб. ист., стр. 321; Пам. Сиб. истории XVIII в. I № 36, № 77; Чт. О-ва Ист. и Др. Рос., 1866 IV. матер., стр. 68, 88; Сиб. лет., стр. 382.

[2]) Сиб. прик. кн. № 941, л. л. 410 — 415 (лошадь шла за 5 соболей—л. 422 об.), кн. № 1063. Доп. к А. Ист. V № 101; ср. Сибирск. прик. ст. № 623: в Томском уезде «ясачные люди горных волостей» князец Тайда с товарыщи «за ясак» дали 17 лошаденок, кобыл и жеребят. Уже в 1609 г. правительство вынуждено было согласиться брать с калмыков ясак лошадьми (Миллер, Опис. Сиб. царства, стр. 441).

[3]) Сиб. прик., кн. № 941, л. л. 47—49.

фиксирован размер дани, вносимой каждым отдельным плательщиком. Первоначально этот оклад рассчитывался по количеству шкур, подлежащих взносу в казну. Так, в царствование царя Василия оклад Пелымских вагуличей был установлен в 7 соб. с человека, с подгородных и с куноватских остяков, Березовского у., ясак в нач. XVII в. взимался по 5 соб. с человека и т. д. Иногда делалась разница между окладом семейного человека и холостого. Так, согласно грам. 1601 г., в Верхотурском у. с женатого брали 10 соб., с холостого—5, и это различие сохранялось в некоторых волостях и в позднейшее время. В виде исключения и особой привилегии некоторые остяцкие князьки выхлопатывали себе право платить по фиксированному окладу со всей своей волости. Так, в 1586 г. ляпинскому князцу Лугую выдана жалованная грамота, согласно которой он был обязан доставлять на Вымь каждые 2 года дань в размере 14 сороков[1]).

Оклад по числу шкур мог быть лишь очень приблизительным; во-первых,—ценность одной и той же породы зверя бывала очень разнообразная, и соболь был соболю рознь. (Соболь одинец стоил и 10 и 15 р., а худой соболишка всего несколько алтын); во-вторых,—по мере истребления соболя, приходилось брать ясак и другим зверем, неравноценным соболю[2]). Постепенно, поэтому, окладной ясак подвергся еще более точному определению, и оклад стал высчитываться на деньги, т.-е. каждый плательщик должен был внести всякой мягкой рухляди на определенную сумму, «против» стольких-то рублей. В Березовском у. в 1628-29 г. в волостях—Назимской, Обдорской и Куноватской оклад был «по сибирской цене с человека против 2 р. 8 а.», в Сосвинской против 1 р. 17 а. 2 д. и т. д., в Сургутском у. в 11 волостях против 2 р. с копейками и в трех волостях против 3 р. с копейками, в Тюменском оклады варьировали от 2 руб. до 4 руб. 10 а. в виде исключения в Кинырском городке и Бачкурской волости с женатого брали против 3 руб. 10 а., а с холостого вполы и т. д. В Верхотурском у. переход на денежный оклад произошел в 30-х годах XVII в. и вызвал горячий протест со стороны плательщиков ясака[3]).

В ряде волостей первоначальный «поголовный» оклад очень скоро стал условным способом определения общего оклада целой волости; внутри же волости этот оклад индивидуализировался в зависимости от платежеспособности каждого плательщика. Так, согласно грамоты царя Василия, ясачные люди Пелымского у. платили из расчета со всех, по 7 соб. с человека, «а в том ясаке велено им верстатись самим, хто в которую статью пригодитца, смотря по людем и по животом и по промыслом». Пелымские вагуличи и «учинили себе оклад,—как кому мочно вперед платить ясаку: с мурз и сотников лучших людей по 7 соб., а с средних по 6 и по 5, а с иных по 4 и по 3 и по 2 и по 1 соболю с человека». Точно так же в Березовской ясачн. книге 1628-29 г. говорится, что «Березовского уезду во всех волостях ясачные люди платят государев ясак поголовно порознь с человека соболи по 2 и по 3 и по 4 и всякою мягкою рухлядью, а в цену платят они... со всякого человека неровно, не так, как в сих книгах под волостьми написано, почему с человека против денег в которой волости государева ясаку взяти нялось», и что во всех волостях ясачные люди, «тот оклад государева ясаку против денег сами

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог. II. № 54, № 185; Рус. Ист. Библ. II. № 80, № 87.

[2]) В последнем случае за единицу обложения принимался один соболь и устанавливалось количество мехов того или иного зверя, которое соответствовало ему по ценности. Так в Мангазее в конце столетия лисицы и россомахи принимались за соболя по 1 зверю, песцы белые по 16 песцов, белки по 100 штук; за соболя принималась также 1 выдра и 2 голубых песца (Сиб. прик. кн. № 1220, л. л. 103 об.—104,107).

[3]) Сиб. прик. кн. № 19, л. л. 521 а –556, 681а—705,581 а—619; ст. № 68, л. л. 30—34.

на себя положили по своим промыслом и по прожитком, кто чево стоит». Впоследствии в окладных платежных книгах некоторых уездов фактическое распределение ясака между плательщиками принималось во внимание, и ясачное население распределялось на очень дробные разряды по стоимости уплачиваемого каждым человеком ясака; в основу при этом были положены «верстальные именные росписи» самих ясачных людей. Такова была эволюция окладного ясака.

Неокладным ясаком в полном смысле этого слова был тот случайный ясак, поступление которого нельзя было даже приблизительно угадать заранее, когда ясачные сборщики брали, «что принесут». В таком положении был, например, в течение всего XVII в. сбор ясака с казымской и обдорской самояди в Берез. у. и с юрацкой самояди в Мангаз. у. «А платят государев ясак»,—сказано в Березовской книге (1628-29 г.),—«Казымская и Обдорская Самоядь не по окладу, хто что ясаку и какою мягкою рухлядью даст, то у них емлют... и год и пере годом самоядь приезжает неровно». Точно так же и тунгусы первое время после подчинения платили не по окладу. Енисейский у. в 1628-9 г. был разделен на волости окладные (с остяцким населением), платившие по известному окладу, и на неокладные—тунгусские.

Между окладным ясаком, платившимся «с ценою», и неокладным продолжали существовать, однако, переходные ступени. В течение всего XVII в. сохранялись волости, которые платили ясак «по окладу», но «без цены», т.-е. по старому—не из денежного расчета, а по числу шкурок. В окладных волостях Енисейского у. в 1628-9 г. ясачные люди платили по 11 соб., в Томском у. по 10 соб. Такого рода сбор считался тоже «окладным». В целом ряде случаев, однако, этот оклад по числу шкур был лишь номинальным, фиксировал те приношения, которые делались отдельными ясачными людьми, или оставался на бумаге, не соответствуя действительности. Так, в Мангазее, хотя и существовало различие между ясаком, который платили по именным книгам и по известному индивидуальному окладу, от «неокладной мягкой рухляди» юрацкой самояди, но оклад был совершенно неопределенный, и воеводы писали поэтому, что в Мангазейском у. вообще ясак собирается «не по окладу и без цены». Таким образом, есть много уездов и волостей, в которых очень трудно установить, имеем ли мы дело с настоящим, «крепким», как тогда говорилось, окладом или же с довольно случайными поступлениями, лишь формально подгоняемыми под известный оклад*).

Наряду с ясаком, как данью обязательной, принудительной, русские получали с сибирских туземцев якобы добровольные «поминки», соответствующие древне-русскому «дару». Основы, на которых взыскивались эти поминки, были чрезвычайно разнообразны. В своем чистом виде подарок, взамен которого дарящий рассчитывает получить соответствующей ценности «отдарок», мы встречаем «поминки» в Мангазейском у. Здесь из года в год некоторые самоедские князьки платили по одному поминольному соболю (или бобру), за этого «поклонного соболя» они получали из государевой казны по 4 пуда муки. В Березовском у. поминки отличались от ясака тем, что платились «не по окладу», т.-е. не были фиксированы, а «что из которые волости поминков принесут, то у них в государеву казну и емлют»,—таким образом, сохранялась фикция добровольного дара. В большинстве уездов существовал известный оклад поминков, но не из расчета по головам, а общий на всю волость. Например, в Тобольском у., с. Ясколби ясак взимался против 140 руб. 13 а. 2 д., с человека против 2 р. 20 а., да поминков против

*) Сиб. прик. кн. № 19, л. л. 706—706 об. 819—830. Собр. Гос. Гр. и Дог. II № 18

16 р. 26 а. и т. д., в Кузнецком у. со всего Тугуенкова улуса—5 поминочных соболей и т. д. Существовали, наконец, уезды, где поминки платились по поголовному окладу и, следовательно, ничем не отличались от ясака; таков Нарымский уезд, где они платили из расчета «против 1 рубля с человека»[1]).

Очевидно, это первоначальный добровольный дар, сверх ясака, почетный подарок, который московское правительство превратило постепенно в принудительный дополнительный сбор. В этом сочетании ясака с поминками можно угадать соединение двух форм обложения: древнейшая форма добровольный дар, как пережиток, сохранялся наряду с принудительной данью ясаком.

Кроме государевых поминков, существовали поминки «воеводские». Происхождение последних установить нетрудно. В монголо-тюркских государствах наряду с ясаком или алманом, шедшим в пользу государственной власти, как общее правило, практиковались и были узаконены поборы в пользу лиц, собиравших дань. В 1555 г. сибирский царь Едигер обязался Ивану Грозному давать с черных людей дань и сверх дани «дорожскую пошлину», т.-е. «дороге государеву... (чиновнику) по белке с человека сибирской».

Из данных XVIII в. известно, что при сборе алмана на калмыцкого контайшу сборщики брали «несколько мягкой рухляди» и в свою пользу.

Русские воеводы очень скоро и очень охотно усвоили практику, принятую в сибирском царстве, и брали в свою пользу более или менее добровольные поминки от туземцев, отдаривая их мелочами. Очень рано, однако, правительство наложило руку и на воеводские поминки. Уже в грамоте царя Бориса в Сургут от 30 августа 1601 г. прямо повелевается воеводам, чтоб они «поминков на себя не собирали, а кто сверх ясаку принесет вам челом ударити и вы-б у их то имали и клали в нашу казну». Одновременно в наказ Тобольским воеводам Сабурову и Третьякову вписывалось: «а которые ясачные татаровья... учнут с ясаком приходити или для иных каких расправных дел, или им воеводам челом ударити, и учнут приносити в поминочках соболи, и бобры и лисицы, и шубы, и у них поминочки имати и их поити и кормити... да те поминки... класти в государеву казну и писати в книги имянно, кто именем что принесет, а себе тое поминочные рухляди однолично не имати и тем самим не корыстоватца, класти та поминочная рухлядь вместе с ясачною казною и писати именно особною статьею». В 1607 г. царь Вас. Шуйский писал о том же на Пермь про «поминочные соболи» вышерских вагуличей. Посылка в Москву воеводских поминков лишь постепенно сделалась повсеместной. Из Мангазеи воеводские поминки были впервые посланы в 1628 г. при Тимофее Бобарыкине[2]).

Но и после того, как «воеводские поминки» превратились в дополнительный сбор, мало чем отличавшийся от «государевых поминков» и стали вноситься особою статьею в ясачные росписи—поборы в пользу воевод не прекращались и производились негласно, сверх официальных воеводских поминков. Так, в 1647 г. самоедский князец Ледерейко, вместо всего своего роду, бил челом на мангазейского воеводу Петра Ухтомского в различных поборах, в частности в том, что он с них «емлет себе поклонных добрых соболей, с человека по 4 соболя, да по 4 бобра на всякий год добрых со всей самояди и детем своим по соболю, да по бобру». В 1661 г. мангазейский под'ячий Викул Панов представил в Тобольске роспись соболям, которые тунгусские аманаты дают со всех своих родов сверх ясаку, и которые затем,

[1]) Сиб. прик., кн. № 708. л. л. 92 об., 96 об. кн. № 19, л. л. 367 об. — 368, 681 725, 787.

[2]) Сиб. прик., кн. № 2, л. 76 след. А. А. Э. II № 75.

попав в руки воеводам, «не об'являютца» в государеве казне: каждый аманат давал будто бы ежегодно по 11 соболей, всего с 35 аманатов должно было поступать 9 сор. 25 соб. Все эти известия сильно преувеличены, но несомненно, что лаской, подарками, иногда угрозами, воеводы добивались поминков с ясачных людей, и что ясачные люди в общем смотрели на эти поборы, как на нечто естественное, и жаловались лишь в тех случаях, когда аппетиты воевод превосходили благоразумие[1]).

Кроме негласных поборов в пользу воевод, в течение всего XVII века сохранились такие же поборы в пользу более мелких служилых людей, собиравших ясак на местах по волостям и по зимовьям. В 1685 г. мангаз. казак Андрей Балакирев так говорил об этих поборах: «разве де кто им, служилым людям, иноземцы почтят в зимовьях, сколько им кому мочно, собольми и иным всяким зверем в почесть и на мену не на большее, а только-де им, служилым людем, будучи у ясачного сбору в зимовьях в почесть с иноземцев чего не взять или на мену чего не выменять, и им без того пробыть нельзя». «А поклонные-де соболи и бобры и лисицы и россомаки называют тех, которые иноземцы дают ясачным сборщикам в почесть, а не государевы ясачные и поминочные»[2]).

III.

Разнообразие видов ясака на местах, его окладной и неокладной характер зависили от того разнообразия бытовых и культурных условий, среди которых пришлось действовать русским. Громадные пространства Сибири не представляли из себя чего-либо однообразного, и жизнь магометанских и ламайтских государств не могла не отличаться резко от жизни кочевавших по тундре и тайге самоедских и тунгусских племен. Поэтому каждый из сибирских уездов выступает со своей особой физиономией.

Там, где русские уезды строились на развалинах татарских княжеств и царств, где они находили уже мало-мальски сложившиеся общественные отношения, там сравнительно легко было использовать готовую организацию, чтобы ввести «окладной» ясак и взыскивать его систематически.

Совершенно в особом положении находились уезды, которые были образованы в тех уголках Сибири, куда до русских не заглядывали еще монголо-тюркские завоеватели, и в совершенно особом положении находилось дело сбора ясака с дикарей, кочевавших в северных тундрах и в лесах по берегам Енисея и Лены, лишенных намека на какую-либо самую примитивную форму общежития. Все они могли сказать про себя, что говорили в 1711 г. курильские мужики езовитяне русским служилым людям: «что де мы, здесь живучи, ясаку платить никому не знаем, и прежде де-сего с нас ясаку никто не бирывал»[3]).

Сбор ясака среди этих племен был сопряжен в большими трудностями, даже опасностью. Ясачные сборщики, сказано в Мангазейской смете 1632-3 г. об иноземцах, «по лесом за ними для ясаку не ходят, потому что сыскать негде, живут, переходя с места на место, и с рек на реки, да и от зимовей де своих отходити не смеют, бояся от них, иноземцев». В 1655 г. мангазейские служилые люди бьют челом: «на твои-де государевы службы посылаются их по немногу, человека по 3 и 2, и для-де безлюдства им, служилым людям, платят твой государев ясак безстрашно». Воевода Игн. Корсаков, препро-

[1]) Сиб. прик., ст. № 303, 36—38 ст. № 613.
[2]) Сиб. прик., ст. № 153. л. 87 № 1533. № 83, л. 56—59.
[3]) Пам. Сиб. ист. XVIII в., I. № 109.

вождая челобитную, подтверждал, что иноземцы платят ясак «безстрашно, из воли, что принесут в ясак, то у них служилые люди и приимают, а о добром твоем государевом ясаке с жесточью им служилые люди говорить не смеют». Енисейский воевода в 1629 г. (136) дает еще более яркую характеристику положения вещей: «тунгузские люди», пишет он, «под твоею государьскою рукою еще не укрепились и ясаку с себя дают мало и то с подарки, а не оклады, а иные ничего не дают, и как им о ясаке служилые люди учнут говорить... и они служилых людей побивают». В 1681 г. Нерчинский воевода так описывал трудности сбора ясака на Аргуни с намасинских тунгусов: «а по окладным-де ясачным книгам доведется с них иметь ясак собольми, по 3 соболя с человека, и те-де намясинские тунгусы живут самовольно и безстрашны, твоему государеву указу чинятся непослушны, и шерсть свою... позабыли, платят ясак по своей воле... и то не со всего своего роду, которые в окладных ясачных книгах имяны написаны». В 1703 г. приказчик Петр Чириков пишет, что коряки «в казну государеву... платят малое число без аманатов, повольно для того, что они коряки, повсягодно шатаются, живут самовольно и русских людей побивают»[1]).

Этих кочевников, которые сегодня здесь, завтра там, и найти не всегда было легко. Беспрестанно «на жирах, где они живали, ясачные люди», в последующие годы их уже сыскать нельзя: «люди-де мы кочевные, а не сидячие; где похотим, там, зашед, и живем»,—говорят они про себя. К ясачным зимовьям они приходят «год перед годом... неровно», как сказано о казымской и обдорской самояди в Березовской ясачной книге. «И сыскивать их, березовских служилым людям по тундрам немочно—люди кочевные, живут от Березовского у. далече по тундрам и у моря»,—писал березовский воевода Алексей Мешков в 1634 г. Иногда с зимовья не поступает совсем ясака, потому что туземцы откочевали и с государевым ясаком с платежом не бывало ни одного человека (Усть-Непское зимовье, Мангазейского у. в 1650-1651 г.). Представление об этой подвижности кочевого населения дают ясачные книги. По Мангазейской ясачной книге 1680-1 г. видно, что в Верхотазское зимовье из 79 самоедов пришли только—33, в Инбацкое зимовье из 87 остяков—44, в Турыжское зимовье из 119 тунгусов—20, в Илимпейское из 73—ни один. Все здесь зависит от случайности. «Уже ламутки»,—читаем мы в 1755 г.,—«не в одно время за единое досадительное слово от платежа ясаков уходят в отдаленные места»[2]).

При таких условиях невозможно говорить о каком-либо мало-мальски приблизительном учете плательщиков ясака. Ясачные сборщики не в состоянии даже переписать по именам тех ясачных людей, которые налицо. Нередко ясак приносят за всех своих сородичей два-три человека и «с кого тот ясак... не сказывают и, заплатя-де государев ясак, отходят от них (ясачных сборщиков) и от зимовей вскоре, боясь того, чтоб их в аманаты в зимовья не переимали». Согласно мангазейской ясачной книги 1628-9 г. на Н.-Тунгуске на Усть-Непы реки тунгус-шилет Долгуша «принес государева ясака с роду своего 4 сор. 33 соб. с пупки, а с кого именем и сколько человек того не сказал», шилят Илкивца принес «с роду своего» с 54 чел.—12 сор. 15 соболей, «а с кого именем... не сказал» и т. д.[3]).

[1]) Сиб. прик. ст. кн. № 986. л. 274 об., ст. № 220, л. 54, ст. № 494 б., № 24, л. 232; Доп. к А. Ист. VIII. № 101; Пам. Сиб. ист. XVIII в., I. № № 99. 117.

[2]) Сиб. прик., кн. № 71; л. 907. ст. № 656, кн. № 443, кн. № 160. «государева» ясаку не привезли ничего, а сказали, что-де яс. люди тунгусы к ясачному к Усть Кепскому зимовью с государевым ясаком с платежом не приходили ни один человек. Кн. № 150, л. 1029. Чт. О-ва Ист. Древн. Рос. 1866. IV. стр. 58.

[3]) Сиб. приказ. л. л. Кн. № 19, л. 47—51. Кн. № 127 — 686, 50. 783—704. Кн. № 986; л. 150 об. 279. Кн. № 708. л. 2 об.

Таким образом, в Мангазейском у. образовалась и существовала очень долго группа зимовий, «в которых государев ясак платили тунгусы без имен за аманаты» и среди прочих зимовей, «кои с именами», насчитывалось 4 зимовья «безымянных».

Постепенное число «безымянных людей» сокращалось, но никогда не пропадало совершенно.

Юраки, начавшие платить ясак в 30-х годах, в течение всего XVII века не могли быть переписаны и так и перешли в XVIII в. не переписанными. То же самое наблюдается в других уездах. В Березовском уезде не была переписана обдорская и казымская самоядь, хотя она издавна платила ясак. В Кузнецком уезде еще в XVIII веке порубежные телесские волости платили вольный ясак (4 сор. 26 соб. в год), «а сколько их платит человек и кто по именам платит, не значится»[1]).

При кочевом образе жизни туземцев производить перепись принудительно, «неволить их в именах» невозможно, «в неволю сборщики, мимо государева указу ясачных людей у платежу, имян допрашивать не смели, потому что их не ожесточить и от государевой милости не отогнать»[2]).

Когда, в конце-концов, именные книги составлены и в них внесены были имена плательщиков, эти книги не представляли из себя в достаточной мере заслуживающий доверия документ. При постоянных перекочевках туземцев, при их малой культурности и хитрости—составленные на основании их показаний книги вносили в дело еще большую «смуту». Самое поверхностное знакомство с мангазейскими ясачными книгами показывает ряд случаев, когда один и тот же самоедский род записан в 2 разных зимовьях, при чем самоеды, выплатившие ясак в Леденкином Шару числились в книге Хантайского зимовья в числе недоимщиков. Такие же затруднения существовали при попытке установить имена отдельных плательщиков. «В иных зимовьях»,—жалуются мангазейские ясачные сборщики в 1634 г.,—«имена в книгах написаны, и в тех многие имена у платежу переменяют». В 1636 г. они говорят про пясицкую самоядь: «а платили государев ясак старыми имены немногие люди и старые ли ясачные люди, которые платили новыми имены и те старые же ли, которые платили старыми имены или новые про то подлинное неведомо, а ясачные сборщики Ив. Сорокин с т-щи в роспросе сказали, что Пясицкая самоядь у платежу у ясачного сбору имена свои ежегод переменяют». Всего в Пясицком зимовье не сыскано было 65 чел., «а в тех людях, которые платали в платеж был или нет, про то неведомо, потому что они, ясачные сборщики, их налицо опазнывать не умеют и посылаются по вся годы сборщики розные на перемену... а которой в котором году из несыскных людей и об'явится, и он скажет себе новое имя»[3]).

На устье Титеи реки мангазейские ясачные сборщики, в целях упорядочения книг, были принуждены составить в 30-х годах заново все книги, «а те книги писаны новыми имяны.... а иные и старыми... для того, что в прежних книгах ясачным людем имяна не сойдутся, а в 143 г. (1634-5) платили государев ясак тунгусы по своим старым имянам по прежним книгам немногие люди, а достальные платили новыми имяны и теми переменными именами в их ясачных книгах смуту чинят и государеву ясаку всякой недобор чинят»[4]).

[1]) О Телесских волостях см. в «Матер. для ист. Сибири» Потанина (Чт. О-ва Ист. и Др. Росс. 1866. IV).

[2]) Сиб. прик., кн № 150, л. л. 1080, 1129.

[3]) Сиб. прик. Кн. 986 л.—181 а. Кн. № 95—л. 268, 285—286.

[4]) Сиб. прик., кн. № 71, л. 929.

Проверяя с трудом составленные «по сказкам» ясачных людей именные книги, выясняя число выбывших из оклада, ясачные сборщики требовали от ясачных людей показаний «за знаменами», т.-е. подписанные символическими иероглифами, соответствующими нашей подписи и в некоторых случаях представлявшими воспроизведение нататуированного на руке дикаря рисунка. Но и тут встречались затруднения: из какого-то суеверного страха ясачные люди отказываются прикладывать знамена, говоря, «что-де им знамена давати, коли они подлинно про них (про несыскных людей) не ведают, нельзя, и наперед-де того в том у них, ясачных людей, знамен не имывали». Со своей стороны, ясачные сборщики не смели требовать этих знамен «в неволю». Таким образом, именные книги утрачивали всякое значение в смысле достоверности[1]).

При отсутствии «крепкого окладу имян ясачных людей» и при невозможности точного учета ясачного населения, нельзя было и установить какой-либо определенный оклад при сборе с них ясака. С «неокладных волостей» приходится брать ясак «без соболиного числа»—ясачные сборщики «сбирают, сколько могут взять, столько и привозят». «А платят государев ясак в Мангазейском у. ясачные люди не по окладу»,—сказано в ясачной книге 1636-7 г., «и без цены, потому что люди кочевные, а не сидячие, а живут, переходя с места на место, и с рек на реки... и сколько в которое зимовье под аманаты соболей принесут, они, ясачные сборщики, то и возьмут». А иноземцы, говорится почти дословно в книге 1703 г. «великого государя ясак в Мангазее и в Мангаз. уезде без цены: кто что приносил... и то принято повольно, для иноземчества». Размер платежа всецело зависит от случайности. «А взятка и что не взято с пометою не сойдется,—сказано в в ясачной книге 1633-4 г.,—«потому что ясачные люди ясак платят неровно, которой платил соболь или два, и в иной год тот же дает больши или меньши». Вся бухгалтерия ясачного сбора была бессильна бороться со свойствами «вольных» «кочевых» людей. «Ясачные сборщики»,—говорится в книге 1632-3 г.: «сказывали, что собирают они государев ясак, сидя в зимовьях, а кто, иноземцы, к ним в зимовья что ясаку принесут, то они и возьмут, а с кого именем скажут и на который год взято, то они у себя в книги и напишут; а в которых зимовьях государев ясак платят за аманаты без имян и кто иноземцы имянем к ним в зимовья принесут и с кого тот ясак и на который год взят, не сказывают... И на прошлые годы и на нынешний на 141 г. доимки и крепкого окладу той мягкой рухляди сделати немочно, потому что ясачные люди кочевные и не сидячие, и имены в книгах по вся годы многие переменяются, и платят неровно, и когда больши, а иногда меньши, а сказывают-де им, ясачным сборщикам, коли зверя добудут больши или людей прикочует больши, тогда и ясаку к ним принесут больши... И о том, вперед», запрашивали воеводы, «как ясачной мягкой рухляди смета и оклад и доимка делати, что государь укажет»[2]).

Мы можем наблюдать те же явления в «неокладных» волостях Березовского, Енисейского, Томского и других уездов. Здесь, как и в Мангазее, трудно было не только взыскать с туземца ясак по заранее установленному

---

[1]) Сиб. прик., кн. № 95, л. л. 192 об.—193 и др. книги.

Сиб прик., кн. № 95. л 192 об., 193, № 986, л. л. 181, 182, 273 – 275, 360 361, № 57, л. 478, кн. № 1422, л. 198; ст. № 77, л. 23. Ясак зависел обычно от состояния промыслов. В 1655 в Турыжском зимовье Мангаз. уезда тунгусы сказали, например, «что-де мы в доимку соболей не добыли, а потому что собачья нога была и промышлять соболи было немочно, и тот-де ясак[2]) будем впредь платить» (ст. № 496).

окладу, но даже просто уловить его в тундрах «далече» у моря, в лесах или в горных долинах Алтая.

Одним их средством понудить туземцев к уплате ясака была «шерть», т.-е. присяга. «Шертью» русские называли всякую присягу нехристианского вероисповедания. Мусульмане «шертовали» на куране», монголы—«по своей бусурманской вере», по ламантскому обряду: «подымали на руки честно своего бога и со всем кутохтиным крылососом», как присягал золотой заре Кункачай. Трудно было формулировать шерть, когда дело шло о бродячих фетишистах севера с их смутными представлениями о религии. Тут фигурировали суеверные обряды, заключавшие в себе наивно аллегорический смысл. Остяки, судя по рассказу Новицкого, с которым совпадает почти дословно рассказ Палласта, клялись перед медвежьей шкурой, на которой клали топор, нож и другие «страсти орудия»; при клятве снимали со шкуры нож и подавали клянущемуся на его острие кусок хлеба, при чем толмач говорил слова присяги: «пусть растерзает меня медведь, пусть подавлюсь этим хлебом, который я вкушаю, пусть топор отрубит мне голову, пусть убьет меня этот нож[1]). В делах Сибирского приказа сохранился текст присяги якуток: «шертеуют-де те князцы по своей вере сами—палмою рассечет собаку на полы и раскинет ее на-двое, а сам идет в тот промежек и землю в те поры в рот мечет, а говорит с толмачем на том шертовании, будет-де он не учнет государю служить и ясаку платить, и его-де та палма рассекет так же, что ту собаку рассекет... А больше того шертования нет»[2]). Енисейские киргизы прибегали к той же форме шерты: «россекали собаку и сквозь ее проходили, а иные (подобно остякам) с ножа у них хлеб с клятвою ели». В другом случае «обещався по своей вере пили золото»[3]).

Русские были крайне заинтересованы узнать в точности «прямую шерть», по которой приводить к присяге туземцев, такую шерть, которая была бы действительна. В этом отношении любопытно одно дело, возникшее в 1642 г. в Якутске.

Служилый человек Пантелейко Мокрошубов заявил в съезжей избе: «слышал-де он, Пантелейко, у служилого человека у Оски Семенова, говорил-де тот Оска, слышал-де он, Оска, у якутов что-де то за шерть, что приведет якутов к шерти? то-де шерть не прямая, а шерть-де их прямая, мочат-де лапы собольи в молоко или кумыз, да обсысают, да круг серебряной скребут в молоко, да пьют, то-де их прямая шерть». Вызванный к допросу Оска Семенов показал: «я-де не говорил, что та шерть не прямая, а слышал я-де у боргонского якута у Онюкея, молодого, шерть-де у них—мочат-де в молоко или кумыз соболи с глазами и осысают у соболей ноги и глаза, да серебро-де скребут в молоко да пьют, да медвежью-де головою клянутся». Разыскали Онюкея, «и говорено ему, Онюкею, чтоб он того не утаил, сказал бы прямо». Якут отвечал: «шерть-де наша прямая так же, как и ныне якуты шертуют, солнцем клянутся, да соболи грызут на березе, да железо грызут, да березу грызут, а доселева-де я видал до русских людей, шертовали-де якуты Боргонской волости, Бату, да Онкок, также де соболи грызли на березе, да березу грызли, да солнцем клялися, да серебро скребли, да пили в кумызе, а медвежьи-де головы я не видал, а коли-де медвежья голова прилучится ино-де

[1]) Пам. др. письменности, LIII. Краткое описание о народе остецком, соч. Г. Новицкого в 1715 г., изд. под. ред. Майкова, стр. 51.

[2]) Сиб. прик., ст. № 53, л. 791.

[3]) А. М. И. Д. Мунг. дела 1616 г. л. 46 (Моск. Древлехр.) Сб. Хилкова № 100; Пам. Сиб. ист. XVIII в., т. 1 № 37.

Б-ка Гос. Ист. Музея

скребут кости, да пьют в молоке, а нынче-де тое шерти я не видал, той-де шертью не шертуют, серебра не скребут и не пьют и медвежьей головы костей не скребут и не пьют. А нынче-де мы и все из серебра пьем», добавил он с гордостью[1]).

Все эти наивные обряды живо напоминают нам не только языческую Русь, которая при клятве клала перед идолами оружие свое и щиты и золото и произносила формулу: «да будем золоти, аки золото и своим оружьем да иссечени будем», но и христианина Годвина, подавившегося куском хлеба, когда клялся в своей невинности. Это обще-человеческие аллегорические формулы свидетельствовали о бедности религиозного воображения и очень мало гарантировали святость и ненарушимость клятв.

Более верным и может быть единственным средством заставить туземцев приходить к ясачному зимовью являлась поимка аманатов. Но и тут дело было сопряжено с большими трудностями. Аманата надо было поймать, как ловят в ловушку зверя или птицу. И это не всегда было легко.

В 1649 г. на Березове было решено прекратить разбои Карачейской самояди и взять у нее аманатов; дело было поручено казаку Вас. Кокоулину. «И мы, сирота твой»,—жаловался карачейский князец Поско Хулеев:— «приехали из своей земли по-прежнему к твоей ко государевой милости с ясаком со всем своим родом и с братьями и с кочевными людишками, не бояся поимки, и полез я, сирота, в твою государеву избу с ясаком со всеми людишками и как в избе Вас. Кокоулин взял твой государев ясак с нас, сирот твоих, против прежнего все сполна и после твоего государева ясаку напоил меня, сироту, твоим государевым жалованным вином и, напоя меня, связал он... в твоей государевой избе и взял меня в омонаты». Но когда на следующий год, в сент. 150 г., был послан в Обдорь березовский сын боярский Алексей Лихачев с поручением обменять Поска на двух его сыновей и взять, кроме того, в аманаты из каждого рода по человеку лучшему или по два «добровольно, а, будет они... не дадут, и их взять в неволю», и он, будучи на Обдоре, карачейскую самоядь призывал в городок, и самоядцкие-де лучшие князцы в твой государев городок с ясаком сами не приезжали, потому что они изстращены, боятся поимки в омонаты, и Поско-де в свое место посадил в омонаты сына своего да племянника, а после-де того Карачейская Самоядь, князцы и лучшие люди, потому ж в городок ездить не почали и прислали-де твой государев ясак к нему, Алексею, с ним Поском Хулеевым и с холопы своими, и ему-де, Алексею, больши того в аманаты самоядких лучших людей поимать было нельзя, потому что-де та самоядь остереглись, оберегаются и живут по разным местам и бегают по тундрам, изымать их в омонаты никакими мерами и обмануть нельзя».

В 1652 г. Поско Хулеев был опять посажен в аманаты и с ним еще некоторые самые лучшие князцы большой Карачейской земли; дикари «тюрьму подрезали и подкопались и из тюрьмы побежали в свои юрты». За ними послали погоню, Поска поймали, а товарищи его убежали. «А се государь, мы, сироты твои, люди дикие и кочевные», жаловался Поско, «на одном месте жить невозможно, а в тюрьме сидеть и за приставом боимся, а наши, государь, житьишка и кочевные юртишка, где мы, сироты твои, кочуем и живем»[2]).

Чтоб аманаты не бегали, их не только держали в тюрьмах, но даже по зимовьям возили скованными в ножные кандалы. Дикари, как дикие звери, изощрялись в том, чтобы перегрызть путы и бежать в лес или в тундру.

[1]) Дела Як. Правления, вязка III № 14А. л.32.

[2]) Сиб. прик., ст. № 408.

Дело о побеге тунгусского шиляжского аманата Ежевуля, может быть, лучше всего обрисовывает положение дела с аманатами в дальних зимовьях Мангазейского уезда[1]).

Между ясачными сборщиками, посланными в Н. Тунгуску, шли нелады. Один из них стрелец Савка Семенов, будучи в ссоре со своим товарищем Яковом Зубовым, по возвращении подал донос следующего содержания: «Посланы мы из Тазовского города в прошлом 137 (1628-9) году на государеву службу в Н. Тунгуску вверх в Шиляжскую землю для государева ясачного сбору—Березова города казак Янко Зубов, Иван Подшивало и я, Савка Семенов. Как мы пошли из Туруханского зимовья и посадили нас по промышленным каюкам: Якова Зубова посадили на каюк к Луке Витошнему, а с Лукою в одном хлебе (т.-е. в одной артели) другим каюком Семейка Дурной, тут посадил Яков аманата Ежевуля, а Ив. Подшивало сел на каюк к Дементью Кораблеву, а я сел у Родиона Дедова, а аманатов двух Чаку и Увальцу посадили к Федору к Валую на каюк. И как мы будем выше большого порогу, пришел Иван Подшивало к Як. Зубову и учал ему говорить: «возьму-де я аманата Ежевуля к себе на каюк и со сторожем, а то-де ты идешь в плесе, а я в другом, а аманата мы не ведаем». И Як. Зубов ему отказал: «не дам-де тобе аманата Ежевуля, а где я с ним сяду,—тут его род и придет, и я с них ясак возьму». А се-де сторож Ежевулева замка (от оков) и ключ потерял. И Иван Подшивало учал сторожу говорить (аманатскими сторожами на мирской счет нанимались мирские люди): «скажи-де, не Ежевуль ли у тебя ключ украл? уж-же-де взвешу тебя на дерево, только не скажешь правды». И Яков сказал: «что-де тебе до сторожа дело? сторож-де ключ потерял на бечеве идучи, а я сам видел, как он пошел на берег на бечеву с ключом». И Иван Подшивало сказал: «то-де ты, Яков, аманата мне не дал, упустить-де тебе его будет». И Ив. Подшивало и наперед ушел. И как мы приплыли на ночной стан, и я пришел к Якову, учал ему говорить: «сломим мы, Яков, замок, чтобы у нас аманат Ежевуль не ушел». И Яков мне сказал: «положи-де за замок рубль, да ломай, а тот-де у меня замок чужой». И я сказал ему: «коли у тебя замок чужой, замкну я того аманата государевыми железами, а ты тот замок сам ломай». И Як. Зубов мне сказал: «чорт ли-де велел над нами тебе старостить?». И я те его речи извещал, ходячи, промышленным людем... и после того в Ильин день, к реке Тамуре, бегучи парусом, у Федора Валуя каюк налился, и Ив. Подшивало аманатов Чаку и Увальцу взял к себе на каюк и ушел вперед. И после того Лука Витошной и Сем. Дурной сели в зимовье. А Як. Зубов сел к Фед. Валую на судно, а аманата Ежевуля посадил на каюк к Федору к уржумцу. Как будем под Валовыми горами, и тот Федор уржумец остался на мели и сугнал нас берегом и стал кликать: «возьми-де, Яков, у меня с каюка аманата Ежевуля, а я-де за мелью остался». И Яков Зубов и я, седчи в карбас, аманата взяли и привезли; и учал я Якову говорить: «возьми ты, Яков, аманата Ежевуля на судно к себе». И Яков сказал: «посажу-де я аманата на судно к Ивашке Муксуну, я-де ему про то говорил», да к Ив. Муксуну того аманата и посадил. А как мы будем пониже Островского зимовья, в Успение Пречистые Богородицы в ночи, пристали мы к берегу ночевать, а Ив. Муксун стал своим каюком от коровану подале, и в тое ночь аманат Ежевуль ушел. И в утре сторож аманатов звопил: «аманат-де Ежевуль ушел». И мы прибежали на место смотреть, и на месте лежат железа и замок отомкнут, не ломан, где лежал Ежевуль в каюке, а приходили с нами смотреть целовальник Первой Сласногубов да толмач Исак Козмин, да промышленные люди Федор Валуй да Иван Пермяк. И мы того аманата учали искати по берегу и по лесу, и следу

[1]) А. М. И. Д. Прик. дела ст. а. 1630 № 55.

его не моги найти. И как мы пришли к Путилову зимовью и осмотрели след на берегу, и я учал звать Якова в погоню, и Яков со мною за Ежевулем не пошел, пошел со мною толмач Ис. Козьмин, разнемогся, и я пошел один за тем аманатом ночью и днем, и пришел в Лазарево зимовье, а тут сидит Дем. Кораблев да с ним Ив. Подшивало и аманаты Чока и Увальца, и я велел тех аманатов сковать накрепко, и Як. Зубова дожидался в том зимовье шесть дней, и Яков Зубов пришел, с ним в караване шесть каюков... А аманатов (Чаку и Увальцу) мы взяли и посадили на судно к Ив. Муксуну и два сторожи... И как будем на усть Титеи реки, тут стоит Самсон Навацкий (посланный из Тобольска для усмирения «инородцев») с ратными людьми... и в те поры пришел от Онтона (Добрынского, которого Навацкий послал на усть Непы) березовский казак Козьма Поздыш с грамотами, и мы учали спрашивать: «есть-ли весть в Шиляжской земле, что у нас ушел Ежевуль?». И Козьма сказал: «вести-де... нет, ходили-де у нас Оска толмач с служилыми людьми на тундру пять дней, а призвал к себе Ежевулева отца и братью его для опасу к зимовью».

Затем Яков Зубов и Савка Семенов разошлись; Яков пошел вверх по Тунгуске, а Семенов остался в зимовье на устье Ендомы. Через некоторое время «пошел от Самсона Навацкого березовский казак Мартын Васильев... с т-щи к Онтону Добрынскому, и я им учал бить челом: «покажите милость только мочно, пособите поймать какова аманата Ежевулева роду». И Мартын сказал: «ради-де мы помотчи Якову, все-де мы одному государю служим, надо всеми-де нами грех бывает»... И после того на сплюшной неделе шел от Онт. Добрынского к Самсону Навацкому березовский казак Максим Сука, и у меня в зимовье ночевал. И я у него учал расспрашивать: «видел-ли ты вверху Якова, зачем он живет?». И Максим мне сказал: ...«Якова-де я ныне видел в Макаршине зимовье, идет с Ежевулем вместе, чаю-де скоро сюда будет». И на мясопустной неделе в четверг Яков пришел в зимовье, и с ним толмач Исак да Ив. Муксун. И я у Якова почал спрашивать: «что тебя, Яков, долго не было, видел-ли ты Ежевуля?». И Яков мне сказал: «взял-де было я в аманаты Ежевулева брата, и того-де аманата Андрей Добрынский с т-щи отняли, и ясак де они с шиляжского роду собрали, а теперево-де, Ежевулев род весь сюда на них идет, и сам Ежевуль тут же идет, прошает у меня одекуев (бисера) и олова, государева жалованья, которое ему дано в Тазовском городе, а осталось после его в каюке, а я-де ночесь у них ночевал, а хотел-де он быть к зимовью нашему». И на Масляной неделе в пятницу, став по утру, Яков говорил: «чаю-де к нам сего дни Ежевуль будет». И я молвил: «Да споди, он к нашему зимовью пришел, я бы-де его сковал в государевы железа». И Яков стал посылать Ив. Муксуна вверх по Тунгуске, откудова ждем к себе тунгусов. А Яков Зубов взял целовальника с собою, сказал: «пошел-де я муки займовать на аманатов у Никиты Коршунова в зимовье». А после Якова в субботу пришли тунгусы Ежевулева роду и учали у меня прошать олова и одекуев, которые остались от Ежевуля. И я им сказал: «я вас не знаю, приплите вы самого Ежевуля, и мы ему отдадим». И они сказали: «Ежевуль-де сюда не будет, пошел в сторону». И я спрошал: «видали ли вы Ив. Муксуна». И они сказали: «Иваш-ка мы видели, ночевал-де он ночесь у Ежевуля в чуму»...

Действительно, Ежевуль «к зимовью не пошел, поднялся и его род, и понять-де его в аманаты не мочно, потому что с ним роду много». Впоследствии от имени Ежевуля врагами Якова Зубова была подана следующая не лишенная остроумия челобитная: «Бьет челом государев ясачный тунгус Гешеуль Соболев шиляженин на Якова Зубова. В прошлом 137 (1629) году шел он по Н. Тунгуске в ясачное зимовье на усть Непы мешкотливо и много стоял

на дороге для своего бездельного промыслу. И я бил челом ему: «что пора-де государеву делу и шел (бы) скорее, потому, что зимовье дальное. И он мне сказывает по-русски праздники частые, и делом, государевым ясаком не радел, и я, побоясь Бога да государя..., скрал у сторожа ключ своих желез и держал у себя семь ден... и побежал с дороги. А тот Яков мне... сноровил. И после уходу я с ним сходился и ходил по многим зимовьям; да родники мои с ним торговали. А у нас с братьями одна семья, что оне, то и я, сирота. И ходил он, Яков, по чумам многажды, а меня не имал и ничего не говаривал о том ясаку. И впредь, государь, буде только таковых учнешь посылать к нам, сиротам, быть немочно»[1]).

Яков Зубов хорошо об'яснил значение аманата, говоря: «а где я с ним сяду,—тут его род и придет, я и с них ясак возьму». Аманат не столько был заложником, обеспечивающим уплату ясака дикарями, сколько средством привлечь их к ясачному зимовью. Аманат—это та манная птица с обрезанными крыльями, которая сидит в западне и заманивает в нее других свободных птиц. И подобно тому, как эти свободные птицы летят к пленнице, сидящей возле кормушки, наполненной зерном, так и дикари шли к своему сородичу, одновременно притягиваемые желанием видеть его самого и обольщенные тем государевым жалованьем—одекуем и словом, которое он получил в городе. От притягательной силы аманата, от его связей среди сородичей—зависит всецело успех сбора. «И будет аманат добр»,—сказано в мангаз. ясачной книге 142 г.,—«и за того платят его род ясак, с иных родов збирают, а будет аманат худ, и за того-де аманата и его не вся родня платит»[2]).

Побег или смерть аманата отражалась пагубным образом на результатах сбора. Наоборот, поимка одного или двух лишних аманатов повышала сбор.

Но и наличность аманатов сама по себе далеко не гарантировала не только правильного поступления ясака, но даже миролюбия туземцев. Это и было естественно при отсутствии прочной внутренней связи внутри маленьких туземных групп. По реке Пенжине, например, «живут многие неясачные коряки, с них емлют в аманаты отцов и братей и детей, и они тех аманатов отступаютца, ясаку под них не платят»[3]). В 1679 г. красноярские служ. люди жестоко расправились с тубинскими аманатами, говоря: «тубинские-де аманаты в Красноярском сидят на аманатном дворе, а сами-де тубинцы Красноярской воюют и разоряют»[4]). С каким трудом «пойманный аманат Карачейской самояди отнюдь не обеспечил уплаты ясака своими сородичами. «А ныне, государь»,—говорится в челобитной Поска Хулеева,—«как меня, сироту, взяли в аманаты, и которые были в Карачее самояди кочевные людишки, и та самоядь из своей земли все разбрелись врозь... и в Обдорскую волость приезжать с твоим государевым ясаком не смеют». Это подтверждал влиятельный среди самояди остяцкий обдорский князец Молик Мамруков: «как-де на Обдори поймали самоядь лучших людей в оманаты и послыша-де то Карачейская ж самоядь... на Обдорь-де та самоядь почала не ездить и государю ясак на Обдори... не платить, а иная-де самоядь бегает и хоронитца по крепким местам и по тундрам». Обдорские остяки и даже березовские служ. люди по этому били челом: «чтоб впредь на Березове Самояди в омонатах не быть и

---

[1]) Челобитная Ежевуля—Прик. дела, ст. л. 1630 № 71, л. 371.

[2]) Сиб. прик. кн. № 57, л. 476. См. любопытные показания мангазейских ясачных сборщиков об аманатах и недоборе ясака в Непском, Курейском и Летнем зимовьях в 159 г. (1650—51) (ст. № 382).

[3]) Доп. к Акт. Ист. VI № 136 (II) Ср. показания Вл. Атласова. напеч. Н. Н. Оглоблиным в Чт. О-ва Ист. и Др. Росс., 1891, III.

[4]) Доп. к Акт. Ист. VIII № 15 (XVII).

чтоб самоядов с остяками и со всею остяцкою землею не ссорить и не отогнать от Березова города»[1]).

Таким образом, одним принуждением, «жесточью» добиться аккуратной уплаты ясака, даже при наличности аманатов, было фактически невозможно. Чтоб иноземцы «государю были послушны и ясак с себя давали», надо было действовать «лаской и приветом», добиваться добровольного подчинения.

С необходимостью действовать лаской пришлось считаться даже разбойничьей шайке казаков, снаряженной Строгановым. Князьков, приносивших ясак, Ермак отпускал, «честно жалуя», по выражению Ремезова. Так, Суклема и Ишбердея он, —«приим ясак, одарив их, отпустил на свои жилища». Этой «лаской» об'ясняется то, что казаки брали ясак не только «с боем», но и «без боя», и что в целом ряде случаев туземцы им «любезно данью и есаком поклонишася»[2]).

С этой же необходимостью должно было считаться правительство и в XVII и даже в XVIII в. «А иноземцы великого государя ясак»,—сказано в Мангазейской ясачной книге 1703 г.—«платят... без цены; кто что приносил... и то принято повольно, для иноземчества, потому что по указу в. государя и по наказанным статьям из Сибирского приказу велено сбирать на ясачных людех... мягкую рухлядь с великим радением, *лаской*, а жесточью на них... не править, чтобы тем ясачных людей не оскорбить, а те ясачные люди кочевные, живут в лесах, переходя с места на места и с рек на реки, а волостей и деревень, и изб у них нет и не строят»[3]).

IV.

Средством привлечь «лаской» дикарей к ясаку служили подарки,—«государево жалованье»,—которые выдавались ясачным людям «за ясачный платеж» в качестве известной премии. «Государево жалованье» дарилось как аманатам, за добросовестный «призыв» сородичей к государевой милости, так и отдельным плательщикам непосредственно за уплату ясака. Подарки состояли из тех товаров, которые имели наибольший спрос среди дикарей. В Мангазейском, Енисейском и Якутском уездах это были, во-первых, всевозможные виды бисера, особенно более крупного одекую (одекуй—камень, синий, лазоревый, красный, черный, зеленый, голубой и белый—различных размеров, крупного, среднего и мелкого) и в XVIII в. корольки; олово (барабанское) в блюдах и торелах; а также «в прутье» (слитками); медь зеленая и красная в котлах и тазах; железо «в прутье» и железные изделия: топоры, ножи, железца ножевые, реже пилы, иглы; наконец, предметы роскоши: медные перстни, гребни. В Якутском у. дарились куяки, но не в целом, а в разобранном виде, «по доске куяшной или по 2 человеку». В Нерчинском уезде, где туземцы были избалованы щедростью китайцев и имели более высокие запросы, подарки состояли, кроме того, из сукон анбурских и шептугов, огнив, удил конских и т. д. Кроме того, в Нерчинских денежных книгах упоминается в качестве жалованья туземцам—табак; в XVIII в. в Камчатку также посылался китайский табак или шар. В Анандырском остроге в XVIII в. в числе прочих подарков упоминается крашенина[4]).

Особенно щедрые подарки приходилось делать в первое время после призвания туземцев под государьскую руку, «для приуки». С экспедицией

---

[1]) Сиб. прик. ст. № 446 и 408.

[2]) Сиб. лет., изд. Арх. Ком., стр. 333, 335, 337.

[3]) Сиб. прик. Кн. № 1422, л. 198.

[4]) Сиб. прик. Ст. № 244, л.л. 111—119, № 408 кн. № 332, № 941, л.л. 377, 395 об. и др. Доп. к А. Ист. II № 88, VIII № 112, IX № 14. Пам. Сиб. Ист. XVIII ст. I № 89, № 110.

Петра Головина на великую реку Лену послано «для иноземческих расходов» 100 тыс. одекую разных цветов, 10 п. меди зеленые и красные в котлах и тазах, 10 пуд. олова в блюдах и тарелех, 10 поставов сукон летчинных разными цветы[1]).

В дальнейшем из года в год в ясачные зимовья посылалась по известному расчету государева подарочная казна. В 50-х г. г. из Мангазеи посылалось «в Мангазейский у., в твои государевы ясачные зимовья ясачным людем на твое государево жалованье на год по 56 топоров да 86 ножевых железец... а ныне, государь, с прибавкою для анбарские службы надобно всего послать 80 топоров, 126 ножевым железец». Покупалось все это «большою ценою»—«топор в полтину и 20 алт., а ноженые железцы и ножи в 5 алт.». По мангазейским приходо-расходным книгам из года в год можно проследить эти посылки по зимовьям. Например, в 1651 году из Мангазеи послано государево жалованья в Пясиду 40 ножевых железец, 24 топора, 1 п. 20 ф. олова; на Хету 25 топоров, 25 ножевых железец, в Ханпейское зимовье—7 топоров, 15 ножевых железец, в Н. Тунгуску в 6 зимовей 4 п. 27 грив. олова, в Подкаменную Тунгуску в 3 зимовья и на Енисей в Закаменное зимовье—2 п. 34 грив. олова,—всего 9 п. 21 грив. олова, 56 топоров, 86 ножевых железец[2]).

Такие же посылки производились и из других городов.

Согласно Нерчинских денежных книг 1684-5 г., «ясачным иноземцам у ясачного платежу на жалованье» куплено 44 ар. летчины красной и несколько раз покупались анбурские сукна; кроме того, куплено 60 огнив, 60 топоров,183 ножа, 33 ф. табаку[3]).

В чиле государева жалованья, наряду с товарами—выдавалась также мука. Так, в 1669 г. и в последующих годах из Мангазеи посылалась в ясачные зимовья иноземцам «на жалованье за олово» 69 п. 25 грив. муки ржаной за 3 п. 19 грив. олова. Кроме того, за поминочные соболи и бобры, преподносимые самоедскими князцами, русские власти в Мангазеи отдаривали мукою, обычно по 4 пуд. каждому князцу, иногда по целому меху, что составляло 5 пуд. с лишком. Наконец, хлебом же выдавались премии самоедским князцам «для доброго ясаку», например, в том же 1669 г. юрацкому князцу Ике с детьми «для доброго ясаку» дано государева жалованья 2 п. муки ржаной. Такие же выдачи муки за ясак и за поминки существовали почти во всех уездах; в Пелымском еще в XVIII в. за ясак давалось «из казны хлебом»[4]).

Кроме подарков товаром и хлебом, широко практиковалось угощение ясачных людей из казенных запасов. Кринсанич в своей «Истории Сибири», написанной по-латински, пишет, что служ. люди, посылаемые для сбора податей, «дают старшинам селений (decanis villarum) крупу для еды», и что для них эта пища представляется роскошью выше всяких сибаритских пиров[5]).

Запасы «на корм» ясачным людям, действительно, посылались в дальние землицы и зимовья. Во время военной экспедиции Самсона Навацкого на Н. Тунгуску один из участников экспедиции Антон Добрынский с отрядом служилых «ходили и нашли ирдишницу (след), и по той ирдишнице дошли тунгусов именем Гирянца да маугирского рода Ежевулева отца со всею семьею и ближними родниками 20 чел., и толмач Оска тех тунгусов уговорил

---

[1]) Прик. дела ст. л. 1636 № 1.

[2]) Свед. о госуд. жалованье за 1647/8 г. Сиб. прик. кн. № 332, л. 133. За 1649-50—1650-51 г. г. 159 г. ст. 1405 л. 63-69. 1651-52—1655-56 г.г.—164 г. кн. № 396, л. 314 об. след. за 1662-63—667-68 г.г.—176 г.ст. 650, за 1696/7 г.—1703 г.кн. 1422 л.78 об.—84 об.,136 об.

[3]) Кн. 941, л. 377, 380 об., 383 об., 395 об., 398.

[4]) Сиб. прик. кн. № 1000 раз. Кн. № 1270, л. 129 об.

[5]) Титов—Сибирь в XVII в., стр. 123.

и призвал под государьскую высокую руку, и привели тех тунгусов служилые люди к ясачному зимовью, и у зимовья те тунгусы жили на усть Непы реки с служилыми людьми 2 недели 4 дня, и кормили их служилые люди Антон Добрынский с т-щи»... Пришедший мангазейский ясачный сборщик Яков Зубов «призвал к себе к зимовью тунгусов, которые Антоном Добрынским с т-щи прикормлены были, и тот Яков Зубов прикормленного и призванного тунгуса именем Емкин Ежевулева брата приманил к себе и связал у себя в зимовье, и учали тунгусы всею землею бити челом государю, а служилым людем стали говорить: «вы-де к нам в нынешнем году не по ясак пришли, пришли-де вы по головы наши, по жены и по детей наших... а ны-де нас призвали и прикормили и сказали-де вы государьское жалованное слово, а теперь-де Яков Зубов нашего родника приманя, Емкина связал».

В ясачные зимовья, где платили ясак даже давно замиренные инородцы, «корм» посылался из года в год. Так, на корм иноземцам в 1667 г. послано из Мангазеи в зимовья 206 пуд. муки, 2 п. 12 грив. масла коровья и полтора пуд. жиру рыбьего[1]).

Один эпизод рисует нам бытовую картину этой раздачи корма ясачным иноземцам. 28 января 1629 г. служилый человек Лучка Марков писал из Хетского зимовья брату своему Морозу Маркову: «и во 137 (1629) г. генваря в 2 день приходили в ясачное зимовье Хедская самоядь Табачийка да Паравда да Сорокуй и извещали на целовальника Ярофея (Павлова Хабарова[1]), что де тот Ярофей крал масло государево и кормил (неясачную) самоядь у себя в анбаре, и то масло к нам, самоеде, твое государево жалованье и он, Ярофей, крал и кормил самоядь и покупал у них соболи добрые». Впоследствии он представил записку «самоядскому извету», содержание которого сводилось к тому, что Ярко Павлов кормил у себя в анбаре неясачную самоядь. Служилый человек Ив. Горохов так раз'яснил смысл этого самоядского извета: «а слышал-де он от той самояди, говорили ему (Ярку) в брани, что-де прислано твое государево масло и мука им, ясачной самояди, а он-де кормит маслом и мукою иную самоядь, больше-де выменивает у них соболи добрые на себя[2]).

Кроме рассылки государева жалованья по зимовьям—широко практиковалось угощение туземцев в городах при приездах их с ясаком. Такое угощение в Мангазее производилось всякий раз, как приезжали в город ясачные князцы с своими родовиками для уплаты ясака, а также, когда из зимовей возвращались с ясаком и поминками служилые люди и аманаты, к которым присоединялись «вольные» ясачные люди, в расчете на угощение. В том и другом случае в городе в честь туземцев устраивалось небольшое торжество, долженствовавшее внушить дикарям уважение перед всемогуществом, роскошью и щедростью московского царя. Ясачных людей вели в с'езжую избу между двух рядов служилых людей, стоявших «на стойке», при чем для вящего эффекта палили в тундру из ни для чего другого негодных пушек, придававших воинственный вид полусгнившим забралам и башням городских стен. Воевода дожидался туземцов в с'езжей избе, в полном параде, в цветном платье, и принимал от них ясак и поминки. После этого следовало угощение как ясачных людей, так и русских служилых—«государев стол». Для дикарей пекли хлебы и готовили «бурдук» из муки, варили пиво и «из того пива даван погреб» как ясачным людям, так и служилым. Кроме того, «всегды иноземцев, как государев ясак платят, государевым питьем, вином поят, и на те расходы из Тобольска вино и присылаетца»[3]). Как производилось это угощение дает пред-

[1]) Сиб. прик. кн. № 1000.
[2]) Прик. д. ст. лет. 1629 № 28, л. 80; 1630 № 55, л. л. 138-179.
[3]) Сиб. прик. ст. № 93, л. 79.

ставление сыскное дело о полымском воеводе Евдоким Баскаков. «Как приходил (мурза) Ортюка на Пелым с государевым ясаком в прошлом 142 (1634) г. после Крещенья, и он Овдоким велел ему с государевым ясаком быть в с'езжей избе. И тот-де Ортюха принес в с'езжую избу треть государева ясаку, что на них довелось по государеву указу взять, и учал он, Овдоким, ему, Ортюке, с т-щи говорить, почему они государев ясак с Кондинской волости принесли не сполна... И в те поры учал он, Овдоким, им, кондинским мурзам и вагуличам, в с'езжей избе вино подносить и, поднесчи вином, из приказу из с'езжей избы пошел к себе на подворье, а после себя приказал мурз и вагулич кормить сыну боярскому Констентину Албычеву да целовальнику Калинке Вискунову»[1]).

В 1647 г. в Мангазее черкашенина Остафия Колова, которому было поручено угощать самоядь, обвинили в том, что он «варил пиво на тое самоядь из государева запасу 5 пуд. 30 грив., а хмель купил на государевы ж деньги дорогою ценою», но вместо того, чтобы угостить ясачных людей, «тое-де пиво... вынося из с'езжей избы, выпил у себя с товарищи своими, а не самоядь»[2]).

Государево жалованье является непременным условием получения с туземцев ясака. Если не давать подарков, то и ясака не будет. «А без государева жалованья», прямо говорят мангазейские ясачные сборщики: «тунгусы государева ясаку, без олова и без одекую, не дают». Русские промышленные люди, ходившие на промыслы в Мангазейский у., не без иронии рисуют эту зависимость ясачного сбора от подарков: тунгусы, говорят они, побивают и грабят русских промышленников: «и, побив-де которых русских людей и пограбив соболи, приходят к ясачным зимовьям и платят-де теми собольми государев ясак, а государевы-де служилые люди против того дают тем иноземцам из зимовей олово и одекуи, и как-де олова и одекуев не станет, и те-де иноземцы от зимовей отходят прочь». Якутские воеводы писали в Москву в 1648 г.: «И ныне, государь, как мы, холопи твои, на государевы службы отпустили олова и одекую перед прежними отпуски в треть и меньши, потому что купить не добыли, и от того твоей государеве казне затем чинитца убыль, а впредь, государь, нам, холопам твоим, для твоего государева ясачного сбору, в зимовья и в дальние сторонние реки и в Верхо-ленский Братцкий острожек ясачным иноземцом олова и одекую и в Якутцком остроге якутом за ясак на подарки нечего, и затем ясачные сборы станут»[3]).

Правительство поэтому было озабочено снабжением сибирских городов и острогов достаточными запасами «подарочной казны»—одекую мелкого и крупного разных цветов, олова в блюдах и в торелех и т. д. Все это покупалось на Устюге и препровождалось в Тобольск, откуда и рассылалось по назначению. Так, 13 марта 1641 г. в Тобольск прислано 466 п. 31 грив. барабанского олова с приказом послать его в дальние сибирские города Тобольского и Томского разрядов и в остроги, в Мангазею, в Енисейск и на великую реку Лену «иноземцом против прежнего твоего государства указу на твое государево жалованье и на мену мягкие рухляди»[4]).

Московское правительство редко бывало аккуратно в посылке «подарочной казны» и тем ставило в тяжелое положение своих слуг, обязанных собирать ясак, но за отсутствием подарков фактически лишенных возмож-

[1]) Сиб. прик. ст. № 42, л. 438.

[2]) Сиб. прик. ст. № 303, л. 39 след.

[3]) Сиб. прик. кн. № 57, л. 477, ст. № 244, л. 118, ст. № 56, л. 506; А. М. Ю. Белгор. ст. № 15, л. 209; Доп. к. А. Ист. VIII. № 44.

[4]) Сиб. прик. ст. № 65, л. 306.

ности это делать. «А иноземцом на подарки в ясачные зимовья олова барабанского, сбираючи врознь по дворам в блюдах и в торелех, купили что сыскано, всего пуда с 4»,—писали якутские воеводы в 1647 г., а дали за фунт по 10 а., а пуд имется 12 р., белово одекую мелкого и среднево куплено пуд, дано по 10 а. тысяча, а пуд имется в 26 р.»[1]).

Правительство всячески старалось сократить расходы на подарки ясачным людям. «Да што юкагири говорят, а просят поминков больших, целых куяков и «котлов», сказано в наказной памяти якутскому служилому человеку Ив. Пилникову, «и то им отговаривать тем, говорить им, государю все земли ясак дают, а государева жалованья дают им понемногу, и те иноземцы всех земель и тому государеву жалованью ради... а оне б того, иноземцы, не плутали, государю оне ясак дают, а не продают, больша того им дачи не будет». Эту линию московское правительство проводило последовательно, несмотря на заявления воевод, которые, однако, знали лучше, чем Сибирский приказ, положение вещей, Илимский воевода П. Бунаков писал по этому поводу: «по вашему государеву указу даетца им, ясачным люде, ваше государево жалованье—товары: олово и одекуй, и медь, и ножи, и топоры, а братцким кыштымом сукна червчатые, летчина... и поят горячим вином довольно, для того, чтоб они, ясачные люди, впредь вашие государевы милости были неотступны и ясаком промышляли и платили бы по вся годы без переводно и без недобору, и в Илимском, государь, остроге взяти негде и купить дорогою ценою олова и меди и одекую и сукон не добудетца... И только, государи, в Илимский острог для ясачных расходов олова... и сукон и вина горячего в присылке не будет, и затем, государи, ваш ясачный сбор станет». В Москве на отписке была положена резолюция: «писать к нему, велеть ясачных людей, как приедут с ясаком, поить и кормить довольно против наказу, а сукон и одекую не давать, что место уже стало не новое, и отпускать ясачных людей без задержанья». И, несмотря на указы скопидомной Москвы, жизнь была сильнее московской экономии. Подарки, как непременное условие взноса ясака, просуществовали не только в течение XVII и XVIII в., но даже до конца XIX века... Головачов сообщает, что до сих пор чукчи «по отношению к русской власти... на самом деле почти независимы, вносят ясак добровольно и то в случае, если от своих промыслов получают прибыль, да и то при этом требуют сначала подарков»[2]).

По существу, выдача подарков, хлеба и угощенья «за ясачный платеж»—очень похоже на меновой торг. Туземцы приносят полагающиеся с них звериные шкурки и взамен «прошают» олова и одекую. Ясачные сборщики, приняв ясак, выдают подарки, и дикари уходят во-свояси. Даже угощение государевым жалованьем имеет полную аналогию с приемами меновой торговли в XVII в. Так, производилась продажа вина даже между русскими. Воевода устраивал обед, приглашал гостей; каждый гость должен был принести подарок или деньги; хозяин глядел, кто сколько принесет, и в зависимости от ценности подарка или от суммы денег—наливал гостю большую или маленькую чарку вина. Хетская самоядь, как видно из дела Ярка Павлова, считала угощение средством купли: «а он-де кормит маслом и мукою иную самоядь, большое-де выменивает у них соболи добрые на себя».

Внешние приемы уплаты ясака соответствуют вполне тем приемам меновой торговли, которые практиковались у сибирских дикарей. На той ступени культурного развития, на которой стояли самоеды, тунгусы и другие туземцы крайнего северо-востока Сибири в XVII в.—продавщик и покупа-

[1]) Сиб. прик. ст. № 244, л. 119.
[2]) Сиб. прик. ст. № 494 б. Головачев, Сибирь, изд. 1905. М. стр. 175.

тель взаимно не доверяли друг другу. Покупатель шел с осторожностью и с оглядкою к продавцу; продавец остерегался покупателя. Друг к другу близко не приближались—предмет, предлагаемый в обмен на товар, издали «бросали», «метали», поспешно брали то, что в обмен выкладывалось продавцом и быстро удалялись; с обеих сторон оружие не выпускали из рук. В 1652 г. в Туруханском в с'езжей избе аманаты летнего зимовья Тивлеулко с товарищи словесно извещали на промышленного человека Павлика Иванова с товарищи, что они преж государева ясака оторговали его Тивлеулкова отца и брата, купили у них соболи и бобры. Павлик Иванов, оправдываясь, говорил: «приходили-де те тунгусы к ним в зимовье и *покинули* им три бобришка, а четвертой пополам разрезан да сшит, да 3 кошлочишка, а взяли-де у них за то 4 топора да котел медной». Через несколько дней другой промышленный человек Тимошка Филиппов с товарищи принесли в с'езжую избу 2 бобришка, да кошлочишко, а сказано: «были они в Н.-Тунгуске на соболином промыслу и пришли-де к ним на стан иноземцы тунгусы и *покинули-де* им *сильно* в стан те два бобришка да кошлочишко, а они-де у них не взять не смели, что их иноземцев многолюдно и боялись они убойства, и дали им за то пешню да 2 топоренка». В 1654 году промышленные люди принесли в с'езжую избу 68 соболей «тунгусские пометные соболи, что у них имали иноземцы хлебные запасы муку и за тое муку метали им соболишка». Это была, очевидно, обычная форма торговых сношений с туземцами. В 1640 г. якутский таможенный целовальник доносил на сына боярского Парфена Ходирева, что он взял у одного якута шубу соболью, «а кинул-де ему за ту шубу 9 прядок бисеру»[1]).

Вот эти торговые приемы, созданные враждебной недоверчивостью дикарей, мы наблюдаем и при уплате ясака.

Обычно плательщики ясака не решались входить в зимовье, т.-е. в избушку, в которой сидели ясачные сборщики и скованный аманат; обмен производился через окно. В 1643 г. мангазейские ясачные сборщики говорили воеводе Григ. Орлову и дьяку Василию Атарскому: «Как придут (иноземцы) с государевым ясаком и имян у себя не сказывают и в зимовье к нам (ясачн. сборщикам) ходити не смеют, ясак подают окном, потому что они, тунгусы, блюдутся, чтоб их ясачные сборщики в аманаты не поимали, а они-де, ясачные сборщики, им, тунгусам, из окон дают государево жалованье, олово и одекуй». Соболи протягивались через окно на шесте или на копье[2]).

Иллюстрацией этих приемов может служить следующий эпизод. В 1652 г. из Охотского острога писал якутскому воеводе Франбекову служилый человек Семен Епишев, что после того, как удалось поймать в аманаты кондакагирского роду Нюнюкана, «пришли к нему, Нюнюкану, родники его зимою, улусные люди человек 30 неясачных землиц, и я, Сенька, велел им про государево величество сказать, чтоб они, иноземцы, были государю послушны, и ясак с себя дали, и к окну их призвал и стал руки у них имати и государевы подарки давати стал им, иноземцом, одекую, и в те поры, они иноземцы, били челом государю, чтоб их государь пожаловал, не велел бы из острожку никому служилым людем выходить в ту пору на улицу, для того, чтоб им наперво не убоятца». Он сделал соответствующее распоряжение, но один из служилых людей все-таки вышел на улицу, «и они, иноземцы, увидя

---

[1]) Сиб. прик. ст. №№ 443 и 441. Дела Як. Правл. в. 1 № 21. В 1642 г. на р. Токуе тунгусы приходили к зимовью Сергушки Аникеева с тов. отняли 3 п. муки, 6 топоров, 2 котла, варчик, 4 чукрея (ножа), 2 п. рыбы соленой, „и прикинули те тунгусы на улицу 11 соболей (Там же, № 27).

[2]) Сиб. прик. Кн. № 57. л. 476 об 477. Д. к А. И. X № 78 (VII).

его и чая с большими людьми, от окна все побежали» и больше не возвращались[1]).

Иногда практиковалась наиболее примитивная форма: метание ясака издали. Сын боярский Иван Аргунов, посланный в Обдорск, доносил оттуда: «приезжала-де к Обдорскому городку многая Карачейская самоядь с ясачным платежом, и он-де к той самояди посылал самоядского толмача Пронку пустозерца и служилых людей и обдорских остяков и велел их с вашим государевым ясаком призывать в городок, чтоб они... ясак платили в городке», но самоеды в городок не пошли, в том им отказали, «что-де им в городок итти нельзя, для того что-де они заворовали... и убили-де они, самоядь роду адуев... русских людей дву человек, и, сказав-де им те речи... государев ясак пометали на Полуе (реке) на лед и сами-де они и раз'ехались, и понять-де было ему... их, самояди, или иной какой промысел учинить было над ними немочно, потому что-де их самояди приехало людно и к городку близко не едут». Зимою 1715 г. приходили в Анадырский острог налегке на оленях юкагиры Чуванского и Ходынского родов, и стояли «под острогом на реке, на льду, с пищальми и с луками в острожности», а в острог не пошли и через толмача говорили: «прикащика-де Афанасья Петрова с служилыми побили за многие к ним обиды и налоги». «И метали средь реки на лед они, чуванские юкагири, на 716 год 64 соболя, 73 лисицы красных, бутто ясак с себя», кроме того, они, «сметали на льду» «поклонных» капитану Петру Татаринову 3 сор. 24 соболей и 45 лисиц[2]).

При этой примитивной форме торговли—аманату приходится играть особую роль. Сидя окованным в зимовье, «аманат не только приманивает к ясачным сборщикам своих «родников», не только призывает их к государеву жалованью, он гарантирует также безопасность ясачным сборщикам. Если тунгусы «блюдутся» служилых людей и подходят к зимовью с опаской, то и служилые люди не без основания «боятся убойства» со стороны туземцев, и аманат служит ручательством мирных намерений приходящих к зимовью «многолюдно» ясачных людей. Опасность со стороны дикарей была совершенно реальная. У Воина Шахова на Вилюе раз бежали «закованы в железах» аманаты мургатского племени; пока сам Шахов ходил их разыскивать по Вилюю, в его отсутствие «новые» мургатские люди вместе с бежавшими аманатами, «пришед безвестно», под зимовьем на рыбных ловлях убили трех служилых человек, «а убив-де тех людей, над ними наругалися, посекли их в мелкия части и отошли прочь на лес в свое кочевье»[3]).

Особенно показателен эпизод, имевший место при попытке об'ясачить юраков, кочевавших на р. Тазу[4]).

В 1694 г. посланы были из Новой Мангазеи (Туруханска) на Таз в старый Мангазейский город, давно покинутый русскими и стоявший в развалинах, служилые люди Пашка Шапошников с товарищами, 10 человек, для сбора ясака с юраков Наусицкого и Барайского родов, аманаты которых сидели в Туруханске. Очевидно, из опасения измены аманаты, однако, не были с ними отпущены, сбор ясаку оказался поэтому неудачен—ясаку собрали «небольшое число». Юрацкие князцы Наусицкого рода Олейко Тялов и Барайского роду Нягурку или, как его обычно звали, Барайко Хареев, не от'езжая от зимовья, стали говорить служилым людям, чтоб они писали в город к воеводе об оставленных там аманатах, «тех-бы-де аманатов прислать к нам, служилым людям на Таз», юраки утверждали, что «видев их, аманатов, учнут

[1]) Доп. к А. Ист. III № 92.
[2]) Сиб. прик. Ст. № 503. Пам. Сиб. Ист. XVIII в. II № 35.
[3]) Сиб. прик. ст. № 56.
[4]) Сиб. прик. ст. № 1272, № 1533, № 1390/2026.

охотнее ясак платить и ясаку-де дадут больше». Доверясь словам юраков, служилые люди отправили двух из своих в город, в сопровождении представителей от обоих заинтересованных родов; к депутации присоединился, по просьбе служилых людей, самоед Мичутка Етеев, пользовавшийся влиянием среди кочевавших поблизости от Старого Мангазейского городища Верхотазской самояди, издавна уже платившей ясак русским и дававшей регулярно аманатов. Воевода М. С. Волчков согласился и отдал аманатов «на руки» служилым людям с приказаньем, чтобы они привели взамен новых аманатов, а старых отдали только «с переменою». Служилые люди повезли обоих аманатов Наусицкого рода,—Белоголового Тялева, брата Олейка, и Барайского рода,—Пая, в Старую Мангазею, но «на дороге» имели неосторожность отпустить их для оленьего промыслу; Пай воспользовался этим и скрылся; вернулся один Белоголовый, и его поспешили сковать во избежание бегства. Когда, наконец, они прибыли с одним оставшимся аманатом в Старый Мангазейский город, то, по слухам об их прибытии, подкочевали к городу юраки, в количестве 70-100 человек и стали под горою на реке Тазу на льду. Через посредство верхнетазских самоедов, которые стояли кочевьем тут же поблизости, ясачные сборщики пробовали получить от них нового аманата взамен бежавшего, но никто из них не явился к служилым людям. Тогда сам Павел Шапошников с толмачом Мочкою пошел к юракам «для разговору», чтоб они шли в зимовье и дали с Барайского роду аманата, но те, увидев их, от'ехали прочь, как спуганная охотником стая птиц. Толмач напрасно кричал им: «для чего-де они не едут к ним в ясачное зимовье?». Дикари ничего не отвечали и от'ехали прочь и стали в тундре, за «боярским лесом», в двух днищах от города. Тогда ясачные сборщики послали к юракам аманата верхнетазской самояди брата Мичутки Езедуму; он, действительно, привел в город Олейка Тялова и Барайка Хареева. Князцы вошли в избу к служилым людям и увидали сидевшего окованным Белоголового. Олейко стал просить отпустить брата, обещая взамен дать в аманаты племянника, но служилые люди не согласились. Тогда Олейко сказал брату: «будь-де ты в аманатах». Барайко все время сидел в избе молча и ничего не говорил, затем, простясь, оба ушли из зимовья. Верхотазский самоед Мичутка Етеев, все время сновавший между городом и станом юраков, стал убеждать служилых людей, «чтоб они шли за теми юраками в погоню, и возьмем-де у них аманата, а онде, Мичутка, с товарищами своими, со всеми родниками асидского своего роду... итти с ними готов». Служилые люди послушались его, и на следующий день, 19 мая, в Петров мясопуст, Пашка Шапошников с товарищами, 9 человек, отправились в погоню за юраками на оленях, их сопровождали верхотазские самоеды; они же снабдили их оленями, но некоторые постарались дать оленей похуже, «чтоб-де они, служилые, скорее вернулись». В зимовье оставили при аманате одного стрельца Якушку Ерофеева (по прозвищу Зима) и для охраны ясачной казны и аманата верхотазского самоеда старика Утейка. В зимовье остались также жены и дети служилых людей, которых ясачные сборщики обычно брали с собою при поездках в дальние зимовья. Выехавши в погоню, служилые люди послали вперед к юракам Мичутку и другого верхотазского старшину Санарайка; те вернулись с ответом, что юраки велели ясачным сборщикам ехать к себе. «Зарядя ружья», служилые люди поехали дорогою, «а по той-де дороге с обе стороны кусты», за ними ехали верхотазские самоеды. Вдруг Мичутка и его родники вынули луки и стрелы. Среди прочих самоедов, которые не были в заговоре, произошло замешательство. Внезапно из кустов с обеих сторон дороги, где были скрыты в засаде юраки, посыпались стрелы. Одновременно и часть верхотазских самоедов направила свои стрелы на служилых людей; но большинство из них испугались, опа-

саясь юраков; некоторые даже кричали, чтоб не стреляли в русских. Захваченные врасплох, окруженные многочисленными врагами, служилые люди не могли оказать никакого сопротивления и были перебиты. Только один из них Елфимко Елистратов, «ухватя пищаль свою, стрелял по юракам однажды и ранил-де одного юрака в руку, и его Елфимка убил ж до смерти». Побросав на дороге трупы убитых, юраки с верхотазскою самоядью двинулись к Старому Мангазейскому городу. Чтоб не вызывать подозрений, в город вошли только четыре человека: Олейко Тялов с другим юраком и Мичутка Етеев с братом Акуйком. Внутрь избы, где находился Якушка Ерофеев с аманатом и с самоедом Утейком, вошел один Мичутка, которому, как верхотазскому самоеду, служилые люди доверяли; остальные три стали у сеней. Мичутка, чтоб выманить из избы Якушка, сказал ему, что юраки привели аманата. Якушка вышел в сени и, увидев юраков, «испужался», заподозрив недоброе, и ухватил пешню, но Мичутка вырвал ее у него; другие на него набросились и зарезали ножами, Утейко стал было говорить, «что-де они напрасно побили служилых людей, и где-де сами денутся?», но его выпихнули из города. Между тем, подоспели остальные участники в нападении; расковали Белоголового; верхотазские самоеды—Мичутка и Санарайка—убеждали юраков побить жен и детей убитых служилых людей, «чтоб они не сказали на них, Мичутку и Санарайка, убийства их мужей»; дело поручили Белоголовому, который с другим юраком побил женщин и детей палками; тела их побросали на лед на р. Осетровку. Затем разобрали пушнину, взятую с них в ясак, при чем каждый забрал обратно те шкуры, которые им были принесены, и раз'ехались.

Слух о кровавых событиях в Старой Мангазее достиг Туруханска весною 1695 г.; послали отряд в 40 чел. служилых людей, но они уже не нашли ни юраков, ни изменников верхотазских самоедов и только набрели на тела убитых служилых людей в трех днях пути от Старого Мангазейского города. Трупов жен и детей «нигде не об'явилось»[1]).

Любопытно отметить, что в самом факте обеспечения посредством аманатов безопасности при обмене ясака на подарки мы имеем новую аналогию с условием первобытной торговли. Торговля «через аманатов» существовала, например, при сношениях русских с калмыками. На Ямыше оз., пока русские люди грузили соль и вели торговлю с калмыками, «для верности» брались в аманаты лучшие калмыцкие люди, чтоб избегнуть «задоров и ссор»[2]). Точно так же в 1662 г. московское правительство выражало согласие дать «торг повольный» на Уфе Аблаю-тайше, при условии, «пожаметь те ево калмацкие люди для торга под Уфою побудут, и он-бы Облай-тайша тем своим калмыцким людем приказал на время дать на Уфу в аманаты из тех людей, которые придут к Уфе с торгом, человек двух или трех добрых»[3]).

Сходству с торговой меной способствует то обстоятельство, что обмен дани на подарки подвергался до известной степени некоторой регулировке в связи с рыночным колебанием цен. При расплате приходилось учитывать спрос на предлагаемые в обмен за ясак товары. В 1681 г. казак Филька Щербаков пишет в Якутск: «с новые Уди реки»,—жалуясь, что из Якутска не было дано достаточно «отдарков» для «новых тунгусов»,—«а который одекуй со мной был дан, и тот одекуй, тамо не годится, и тунгусы не имали, а давал свой одекуй». Еще определеннее отписка якутских воевод Вас. Пушкина и Кирилла Супонева, полученная в Москве 15 янв. 1648 г. Приехав в Якутск, они в казне «на иноземские расходы за твой государев ясак в подар-

[1]) Сиб. Прик. ст. №№ 1533. 2026, 1272.
[2]) Д. к А. И. VIII 15 V. А. И. V № 288. Сиб. лет., ст. 360 р
[3]) А. М. И. Д. Мунг. дела 1662 № 3 лл. 25. 31, 35, 36.

ки одекую камени и бисеру... ничего не заехали», в 1646 г. они «сыскали у торг. людей одекую синево камени полпуда, да белово одекую полпуда», а в следующем году «того одекую и купить не добыли» и давали подгородным якутам за ясак и за поминки, за соболи, бисеру, «а иного ничего не давывали; и те иноземцы, якуты тебе, государю, били челом, чтоб ты их, государь, пожаловал, велел им за свой государев ясак и поминки своего государева жалованья в подарки давать иным, чем ты, государь, укажешь, а бисеру-де у них, ясачных людей, в твоих государевых подарках и от служилых и от торговых по изнаполнилось, и делать им из него стало нечего, и в иные иноземцы и меж себя походу у них на тот бисер нет». Учитывая спрос на те или иные подарки, русские власти склонны были прибегать и к легкому торговому обману доверчивых туземцев. Воеводы якутские просили, чтоб присланы были «котлики» меди зеленой: «медью тонки, а видом немалы»[1]).

Если ясачные туземцы, получая подарки, пред'являли известные требования, то и русские со своей стороны производили расплату сообразно количеству и, может быть, качеству приносимой мягкой рухляди, «по ясаку смотря», давали «олова и меди и одекую понемногу, смотря по их поминкам, сколько кому дать доведетца». Говоря словами одной грамоты, сравнительно позднего времени—от 1709 г.—ясачным людям об'являлось «великого государя жалованье подарочной казны, усмотря по их присяге и по ясаку»[2]).

Довольно полное представление о том, как производилась эта расплата за ясак, дает ясачная книга Якутского уезда 148 г.[3]), в которой подробно записан как размер полученного ясака, так и количество бисера и одекую, выданного каждому плательщику за обмен на ясак. Всего записано 526 случаев уплаты ясака и выдачи подарков. Размеры этих выдач находились в полном соответствии с количеством ясака в каждом отдельном случае. В основу расчета клался нормальный ясак в 5 соболей с хвостами и без хвостов, при чем соболь мог быть заменен лисицей. За пять соболей (или лисиц) полагалось в виде вознаграждения 1 прядка бисера и 1 прядка одекую, иногда 2 прядки бисера и 2 прядки одекую, отчего ценность подарка не изменялась. Из такого расчета расплата была произведена почти во всех случаях, когда число принесенных шкурок делилось на пять, а именно: в 230 случаях из 239: за 10 шкурок давали 2 пр. бисера и 2 пр. одекую, за 15—3 прядки бисера и 3 одекую и т. д. За 115 шкурок дано было 23 прядки бисера и 23 пр. одекую. В тех случаях, когда число шкурок, принесенных в ясак, не делилось на пять, то приходилось при расплате прибегать к приблизительным расчетам. Когда разница была небольшая—на единицу, то ее обычно не принимали во внимание; так, за 4 или за 6 шкурок давали обычно столько же, сколько за 5, за 9 или за 11 столько же, сколько за 10. Так поступили ясачные сборщики в 107 случаях из 115. Ниже четырех шкурок: три, две и в единственном случае—одна оценивалась в 1 прядку бисера или одекую, а именно: в 88 случаях из 105.

Несколько труднее было расценить промежуточные цифры между 6 и 9, 11 и 14 и т. д., и тут до известной степени открывался простор личным воззрениям ясачного сборщика, а, может быть, и степени настойчивости плательщика. За 7 соболей в 10 случаях дано, как за 5 соб., в 9—как за 10, и, наконец, в 9 дана средняя стоимость по 2 пр. одекую и 1—бисера и обратно. В общем, однако, и тут сборщики стремились держаться известной спра-

---

[1]) Сиб. прик. Ст. № 244, л. 118-119 Д. А. И. VIII № 44 (XX).

[2]) Сиб. прик. Ст. № 494 б. Кн.1270), л. 129 об. Д. к. А. И. II § 100.

[3]) Сиб. прик. Кн. № 145, л. 132. Книги государевы ясачные Ленского, острожку Енис. сына бояр. Парф. Ходырева 148 г.

ведливости и давали подарки в зависимости от принесенного ясака. Крупных отступлений от нормы можно насчитать лишь несколько единичных случаев.

Особняком стоит уплата 24 прядок одекую и 24—бисера 5 аргутам за 10 принесенных ими соболей. Дело об'ясняется тем, что это были «новые люди», только что призванные Ивашкою Метлеком, и они получили поэтому вознаграждение, особенно высокого качества «для приуки».

Точно так же и в других уездах раздача подарков производилась в соответствии с ясаком. «А твоего государева жалованья даетца им (намасинским тунгусам)»,—писал нерчинский воевода Федор Воейков в 1681 г.—«у ясачного платежу подарки большие, за лошадь по портищу сукна анбурского». Очень любопытен указ 1708 г., приказывающий брать с полымских вагуличей ясак соболями с пупками и с хвостами попрежнему, а за это «давати им из казны хлебом против пелымской цены, почему у них в ясак соболи и пупки иманы»[1]).

В Мангазее иноземцы из-за лишних подарков довольно охотно приносят в ясак лишнего зверя и дают «больши соболей или иной какой мягкой или мелкой рухляди—постелей и ролдуг оленьих: по своему удачному промыслу и видя к себе государево жалованье олово и одекуи и котлы и топоры и ножи». В ясачных книгах мы довольно часто встречаем указание на то, что тот или иной иноземец платил «перед прежним с прибавкою, по своим удаточным промыслом»[2]).

В этом обмене ясака на подарки есть, однако, одна черта, которая отличает его от правильного торгового обмена. Казенная расценка несомненно значительно ниже рыночной ценности тех мехов, которые приносятся иноземцами. Якутская ясачная книга 148 г. оценивала 5 соб. в 1 прядку бисера и 1 пр. одекую. В этой же книге сообщаются сведения о покупке мягкой рухляди у туземцев на тот же бисер и одекуй, из которых видно, что рыночная цена была значительно выше, варьируя от 2 до 3 с половиной прядок за соболя, и в среднем может быть принята в 3 прядки за соболя; иначе говоря, за 5 соболей следовало давать не 2, а 15 прядок[3]). Впрочем, вновь призванным платили по рыночной цене и даже выше. «Новым людям» аргутам заплачено почти по 5 прядок за каждого соболя. Очевидно, постепенно цены сбавлялись. Как на любопытное исключение, можно указать цитированный выше указ 1708, согласно которого предписывается при уплате пелымским ясачным людям за ясак хлебом «давати им из казны хлебом против пелымские цены... а хлеба давать, почему ценою в котором году в покупке будет». Здесь устанавливается расплата по рыночной цене[4]).

Приведенных данных достаточно, чтобы убедиться в том, что первоначальная форма сбора ясака весьма близка по существу к своеобразному, по принуждению, обмену мехов на государево жалованье, при которой принудительная дань сочетается с более или менее добровольной сделкой. Можно сказать, что на той ступени развития, на которой находились туземцы северо-восточной Сибири, одинаково немыслим был сбор дани, основанный исключительно на принуждении, на «жесточи», как и немыслима была торговая сделка на невыгодных казенных условиях без какого-нибудь внешнего понуждения. Если угодно,—сбор ясака в этой стадии имеет аналогию с реквизицией.

---

[1]) Д. к А. И. VIII § 101. Сиб. прик. Кн. № 1270, л. 129 об.

[2]) Сиб. прик. Кн. № 95. л 286.

[3]) Сиб. прик. Кн. № 145, л. 140-145. Книги государевы соболиные покупочные Ленского острожку 148 г.

[4]) Сиб. прик. Кн. 1270, л. 114 об.

V.

Примитивная форма сбора ясака постепенно должна была уступить место более усовершенствованным приемам обложения. Неокладной ясак имел тенденцию перейти в окладной. Этот процесс можно проследить по мангазейским ясачным книгам.

Во-первых,—несмотря на все затруднения, имянные книги большинству ясачных людей были составлены, хотя и не без дефектов и не без пропусков. Некоторые племена, как юраки, оставались непереписанными до XVIII века. Попытка взять с них аманатов и составить имянные окладные книги привела, как мы видели, к избиению ими ясачных сборщиков и прекращению на некоторое время уплаты даже неокладного ясака. За отдельными исключениями все зимовья были переписаны в достаточной мере точно, и до нас дошла перепись 1681 года, произведенная по чумам, с указанием возрастного состава малолетней части населения и продолжительности уплаты ясака каждым отдельным плательщиком. Безымянный ясак постепенно исчезает[1]).

Далее, при всей случайности и неопределенности поступлений, устанавливается известная приблизительная фиксация ясака. Иначе говоря, неокладной ясак делается окладным, первоначально благодаря тому, что в последующий год ясак с известного зимовья требуют в том же размере, в каком он был уплачен в предыдущем. Так фиксируется общий оклад зимовья, даже в том случае, когда ясак в нем собирается без имян и без книг. Далее устанавливается определенный оклад каждого туземца. Перепись 1681 г. пытается установить общие нормы по зимовьям. В Авамском зимовье ясачная самоядь платят великого государя ясак: князцы по 5 и по 4 ролдуги оленья в год, а рядовые родники их, самоядь, по 3 ролдуги на год; с новиков «первый год ясак берут по ролдуге, а в другой год по две ролдуги, и сполнится ясак с новиков и с подростков, как за промыслы приниматься учнут... в 3 годы»; в Туруханском зимовье ясачные люди платят по 4 соболя на год, «а которого году соболей в ясак не добудут и того году платят вел. государя ясак, вместо соболей, бобрами и россомаками и лисицами», с новиков «первый год ясак берут по соболю, а другой—по два, а исполнитца ясак с подростков... в 4 года». В Хантайском зимовье ясачные люди платят по 2 соболя на год, или, вместо соболей, «бобрами, и кошлоками, и лисицами, и россомаками голова в голову, и песцами по 10 песцов за соболя, и постельми оленьими и парками и сокуями и пимами оленьими против постель оленьих»; с подростков «первого году ясак берут на год по соболю с человека, а другой год по 2 соболя с человека, и исполнитца ясак с подростка в 2 года». В Инбацком зимовье князцы платят по 6 и по 5 соб., а рядовые их родники по 5 же соболей; ясак с подростков исполнится в 5 лет[2]).

Пестрота и неопределенность норм, установленных переписью 189 г., показывают, что эти нормы являются попыткой фиксировать установившуюся постепенно практику, закреплением обычая, а отнюдь не устанавливают какого-либо руководящего принципа. В действительности строго установленный индивидуальный оклад остается часто фикцией: туземцы то приносят меньше, потому что «не добыли», то, наоборот, прельщенные государевым жалованьем, приносят больше «по своему удаточному промыслу», и совершенно не отдают себе отчета в размере своего оклада. Ясачным сборщикам не без труда удавалось подвести иррегулярные взносы под общую норму оклада и подогнать их под сметные и пометные расчеты. Мангазейские ясачные

[1]) Сиб. прик. № 708. Сохран. перепись 4 зимовей.
[2]) Кн. № 708, л. 614 об. 62, 92, 100, 41.

книги представляют самую фантастическую бухгалтерию недоимок и их постепенного покрытия. «А пишут в книгах взятье на прошлые годы против прежних книг ясачные сборщики сами, а ясачные люди им того не сказывают, что платят на прошлые годы, и, по сказке ясачных сборщиков, ясачные люди сами того не знают». «Иноземец,—говорится в ясачной книге 1636-7 г.,—платит на тот год, в котором году придет, а будет даст больше соболей или иной какой мягкой или мелкой рухляди, постель и ролдуг оленьих по своему удачному промыслу и, видя к себе государево жалованье... и те соболи и мягкую рухлядь, пишут с него во взятье за прошлой за один год ясачные сборщики по прежним книгам, а ясачные люди сами того не знают»[1]).

Таким образом, в течение XVII в. беспорядочный и случайный ясак Мангазейского уезда был несколько оформлен и подведен к некоторому подобию оклада.

Если неокладной ясак имеет тенденцию приближаться к окладному, то окладной имеет такую же тенденцию превратиться в налог, взыскиваемый на общих началах, «по животам и промыслам». В Пустоозерском уезде, где самоядь уже издавна, с XV века, была подчинена русским, в 1664 г. воеводе предписывалось с Пусрыги самояди «государевы данные деньги и мягкую рухлядь с их промыслов велеть имать в Пустоозерском остроге по их животом и... промыслом, по непорочной заповеди св. Христова Евангелия, и как емлют в Пустоозерском остроге с иныя самояди... всякую дань и десятину»[2]). Дальнейшим шагом является перевод ясака на деньги. Мы встречаем переход на деньги уже в первой половине XVII в., но это не всегда было выгодно для казны, и правительство неохотно это санкционировало. По сю сторону Урала, в уездах, давно присоединенных к Московскому государству—ясак мягкой рухлядью неизбежно должен был замениться «денежным ясаком», «ясачными деньгами». Переход на деньги происходил постепенно. Так, в 1697-8 г. с туземцев Кунгурского у. собрано было 11 сор. 4 куницы, «и за достальные ясачные куницы за 6 сор. за 27 куниц деньгами за всякую куницу по полтине, 133 р. 13 а. 3 д.»[3]).

Этот процесс превращения ясака в обычного типа налог мы находим совершенно завершенным уже в XVII в. в Казанском уезде. Здесь ясак является в форме фиксированного денежного оброка за пользование землею. Ясачным татарам «в ясак» дается известное количество «ясачной земли» пашни и покосов и «с тое пашни» они и платят ясак. Самое слово—«ясак» употребляется здесь, по крайней мере, в конце XVII в. уже не в смысле поголовного оклада, а в смысле простой единицы обложения. На один «ясак» полагается определенное количество земли: судя по одному акту 1620-1 г. «на целый жеребей по 10 чети в поле, а в дву потому ж, сена по 100 копен». Поэтому отдельные ясачные плательщики могли платить, как видно из переписных книг 1691-1692 годов,—с полуясака, с ясака без четверти, с целого ясака и т. д. При переписи на них накладывали вновь то четверть ясака, то пол-ясака, в зависимости от зажиточности. Общая платежеспособность целых деревень тоже определялась количеством ясаков: напр., «всего в дер. Каннердине пустых полных 5 ясаков с четью». Иначе говоря, ясак в туземном Казанском у. соответствует выти в русских уездах[4]).

---

[1]) Кн. № 78 л. 255. Кн. № 95. л. 286, 151.

[2]) Доп. к А. И. IV. § 137.

[3]) Кунг. Акты. § 73 (IV).

[4])Акты Мельникова § 6/129, § 73/1705 г., § 70/1704 г., § 52/199 и 200 г.г., § 61 данн. I переписи 199 и 200 г.г., § 62—тоже.

Изучение эволюции ясака, мне кажется, представляет известный общий интерес. Несомненно, что мы застаем в Сибири самую примитивную форму обложения—обложения не вполне еще принудительного, скорее добровольного—«по воле»; и мы можем проследить все мотивы, которые побуждали дикаря платить «вольный ясак». В этих мотивах не последнюю роль играл расчет на подарки, получаемые «у ясачного платежу». Эта форма дани—с чертами принудительной меновой торговой сделки и есть, вероятно, наряду с военной добычей, наиболее древняя форма обложения, из которой постепенно развивается современная нам податная система, подобно тому, как вольный, неокладной ясак в конце-концов превращается в окладной, а окладной ясак в ясачные деньги, взыскиваемые по животам и промыслам.

Мы можем, таким образом, наблюдать в самом зародыше первые признаки государственного обложения.

На тех же основах, вероятно, строилось и обложение славянских племен варяжскими князьями в VIII и IX в. в. Самая форма сбора дани «повоз» и «полюдье» находит себе полную аналогию в условиях сбора ясака. Те сравнительно замиренные самоедские туземные князьки, которые в расчете на угощение и на подарки приезжали со своими «родовиками» на нартах, запряженных оленями, в город для уплаты ясака, располагаясь лагерем на реке, наглядно показывают нам, что значило «везти повоз». Ежегодные поездки служилых людей для сбора ясаку по зимовьям, при чем заодно принимались от дикарей челобитные через толмачей и выслушивались жалобы—соответствуют полюдью. Самая дань, которую собирали варяжские князья во время полюдья, взыскивается в форме «дара», почему полюдье называлось «полюдьем даровным»; в виде пережитка, дань с Новгородских волостей еще в XV веке носит то же название дара. Конечно, как и в Сибири XVII в., этот дар был далеко не добровольный, и варягам приходилось прибегать к насилию, «примучивать» покоренные племена. Судьба Игоря, захотевшего взять больше, чем ему давали, показывает, однако, как опасно было слишком сильно нажимать на плательщиков, а пример Ольги, тщетно простоявшей лето под непокорным Искоростенем и, по преданию, взявшей его только хитростью, после чего «взложи на ня дань тяжку»—рисует не столько мудрость вещей княгини, сколько ее бессилие в борьбе с Деревскою землею. Тут нельзя было действовать одной «жесточью», нужен был «привет» и «ласка». Надо было добиться, чтобы покоренные «ялись по дань»: «ради даем медом и скорою». Впоследствии добровольный «дар» был точно установлен, превратился в окладной ясак—«урок», как его называет один памятник XII в. (уставн. грам. князя Ростислава Мстиславича), но наряду с «уроком»,—ясак продолжал существовать, как «почестье»,—поминки, впрочем, тоже вскоре точно определенные.

Сибкрайлит № 962 от 4 июня 1927 г. Новосибирск, тип. СКС, нар. № 1587.
Тираж—300 экз.

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

СИБИРСКИЕ ОГНИ

Художественно-литературный и общественно-научный журнал.

Выходит один раз в два месяца книжками
размером не менее 200 стр.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТИЕ:

Художественное слово: Анучина Е., Вяткин Г., Гольдберг И., Драверт П., Дубняк Н., Ерошин И., Зазубрин В., Изонги Н., Итин В., Караваева А., Каргополов А., Коптелов А., Кравков М., Марков С., Мартынов Л., Мухачев И., Павлов Г., Пиотровский А., Пушкарев Г., Сейфуллина Л., Сорокин А., Скуратов М., Тихменев Ф., Урманов К., Фраерман Р.

Очерки, статьи и библиография: проф. Азадовский М., Ансон А., Ауэрбах Н., Басов М., проф. Болдырев В., Вегман В., проф. Круссер. Г., проф. Огородников В., Орлова Е., проф. Петри Б., Правдухин В., Сосновский Г., Титов Е., Черемных Г.

Журнал значительно расширяет отдел **краеведения**, улучшает отдел **библиографии** и продолжает укрепление отделов **художественного слова, былого, публицистики и научного**. Основное внимание журнал будет уделять боевым вопросам **современности** как путем разработки и освещения наиболее актуальных тем в основных отделах журнала, так и освещения этой современности в форме живых **очерков.**

Условия подписки на 1927 год.

На год--6 руб., полгода--3 р. 25 коп. (с пересылкой). Цена номера в отдельной продаже 1 р. 50 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Новосибирск, Красный проспект, 21, Сибкрайиздат и в магазины Сибкрайиздата: в Ачинске, Барнауле, Бийске, Иркутске, Канске, Красноярске, Ленинске-Кузнецком, Ленинске-Омском, Минусинске, Новосибирске, Омске, Рубцове, Славгороде, Таре, Томске, Черемхово, Щегловске.

Представительство в Москве—Ветошная линия, 17, помещение 320.